

Ирина Дерновая

МОНОХРОМ

Ирина Дерновая

Монохром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70019668

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир чёрно-белых фотографий. Чарующий. Странный. Чуждый. Опасный. Что случится, если каким-то чудом преодолеть грань между реальным миром и тем, чёрно-белым? Как войти в него? И как выйти? И отпустит ли тот мир того, кто однажды преодолел невидимую грань? Девушка Лина, обладательница необычной внешности, отвергаемая даже своей семьёй, однажды переходит эту чёрно-белую границу...

Содержание

Ирина Дерновая

Монохром

*Посвящаю свой верной команде бета-ридеров:
любимому супругу Андрею,
Свете У., которая мне как сестра,
Тане Г. и Тане Ф., моим добрым коллегам по цеху.
А также Анжеле Т., «главной по связи».*

...в этой части парка в самый разгар рабочего дня было почти безлюдно. Редкие мамочки с колясками и бабушки с палками для скандинавской ходьбы не в счёт.

Лину это вполне устраивало, даже не так – более, чем устраивало. Так казалось, что в мире почти никого не осталось. Никого, кроме неё...

Громко и противно, прямо над головой заорала ворона. Ей тут же, сипло, скрипуче, отозвалась вторая, третья. В их нестройной перекличке Лине слышался издевательский смех. Типа, давай, кар-кар, р-рразмечталась она, кар! Полновластная цар-ррица мир-рра без людей, х-хар-хахха-арrrrr!

– Твари, – тихо сквозь зубы процедила Лина, крепко замутившись. Вороны как-то в раз угомонились.

Но слёзы уже подступили, едко обжигая веки. Девушка жалко всхлипнула, втягивая голову в плечи и крепче прижимая к себе рюкзачок. Сидя так, с темнотой под веками, Лина

слышала журчание искусственного водопада, прыгающего по камням в небольшой пруд. Шорох и шелест листьев над головой. Редкое натужное поскрипывание и лязганье колеса обозрения в вышине за спиной. Фоновая музыка сегодня молчала, и к девушке снова вернулась иллюзия: она осталась одна. Совсем одна. Наконец-то.

Отдышавшись, проглотив очередной приступ бессильных рыданий, она заставила себя открыть глаза. От прудика в зрачки тут же прыгнули яркие блики. Лина зашипела, в который раз проклиная генетическую причуду, почти лишившую её радужки пигмента. И не только радужки.

В своей семье или по-другому – *на фоне* своей семьи Лина выглядела форменной белой вороной. Нет, она не была абсолютным альбиносом, тогда было бы чем шикануть – мраморно-белая кожа, красные зрачки, вампирический образ и всё такое. Лина просто родилась вся какая-то обесцвеченная: кожа у неё была тонкая, на грани просвечивания, очень-очень светлая. Венки и сосуды под ней выглядели не голубоватыми, а пепельно-серыми, словно потёки грязной воды. По мере взросления это становилось причиной для всё более недобрых шуточек.

Волосы прямые, тонкие, как шёлковая нить, но удивительно густые и всегда лежащие как-то неподвижно, словно парик из металлической проволоки. Но почти в ноль лишённые пигмента, с едва угадываемым оттенком, они не походили цветом на благородное серебро. Больше всего этот отте-

нок напоминал мартовский лёд, слегка подтаявший на солнце и утративший кристальную прозрачность. Самое обидное, никакая краска не держалась на волосах, уплывая в сток весёлыми насыщенными разводами, оставаясь только на полотенцах и стенках ванной. И ни пол-тона от заявленного на упаковках не оседало на бесцветных Лениных прядях.

И самое главное: глаза. Тоже такие вот выцветшие. Были б как у тех же альбиносов – рубиново-красные, можно было бы создать образ неприступной женщины-вамп. А так – белое на белом, ресниц почти не видно, бровей тоже. Только точки зрачков, да контур радужки – едва заметный, словно твёрдым карандашом нарисованный, выделяли глаза на белом лице.

«Чудь белоглазая! – припечатала прабабка Яся, впервые увидев правнучку. И яростно перекрестилась, потом ещё и смачно трижды сплюнула. – Ненашенская!»

«Белая ворона», «моль бледная», «меловая голова» – позже добавили братья и старшая сестра. А родители, ругаясь за закрытыми дверями кухни, думая, что их не услышат, восклицали: «Немочь бледная! Поганка хилая! Кровь с водой!..». И по бесконечному кругу выясняли, от кого такое нагуляно или в чьей родне в каком колене бабы на сторону ходили.

Думали, Линка, маленькая ещё, не услышит и не поймёт. Зря взрослые так про детей...

Вся их родня была крепким замесом из татар и прочих

ближневосточных народностей. Поэтому на шумных семейных сборищах-застольях Лина быстро начала ощущать себя лишней. Чужой. Поскольку на фоне родителей, братьев и сестры, тётушек и дядек – отменно смуглых, с угольно-чёрными курчавыми шевелюрами и глазами-черносливинами – она и смотрелась: чудью белоглазой.

«Нена-аашенская», – с каким-то злорадством цедила прабабка Яся, щуря чёрные маленькие глазки-буравчики. Ещё и ткнуть могла молчаливую, прятавшую глаза в пол девчужку. Больно тыкала, толстым жёлтым ногтем всегда попадая по рёбрам.

Особенно остро Лина начала понимать свою «ненашесть», когда стала узнавать себя на семейных фото – всегда чёрно-белых, потому как деда Кось всегда снимал на старый плёночный фотоаппарат и попросту не признавал новомодных цветных плёнок. Вот тогда-то Лина, в отличие от других девочек-ровесниц, страшно не влюбила, когда её фотографировали. И почти возненавидела и сам процесс фотосъёмки. Почти.

Девушка тихонько шмыгнула носом, вытащила из кармана рюкзака смартфон, повозила пальцем по дисплею. На смену жалости к себе пришла та давняя и всё ещё острая тоска.

Единственным из родни, кто не изводил девочку дразнилками и не крестился, как увидит, был как раз деда Кось, бабай¹ Кось. Одноглазый, с всклокоченной чёрной бородой,

¹ Бабай (татар.) – дедушка, аба – бабушка

лысый-прелысый – и очень добрый и весёлый. Он напоминал маленькой Линке сказочного, перевоспитавшегося Бармалея, особенно когда корчил рожи и начинал хриплым басом восклицать: «По чёрной стене идёт Чёрный Бабай, глаз не закрывай!». И так все цвета мог перебрать. Вот он-то всегда с удовольствием тетешкался с внучкой, забирая из-за стола и уводя гулять. Или в соседнюю комнату, где читал ей сказки, большую часть которых сочинял на ходу. Никогда деда Кось не коверкал имя внучки, которым чуть вдрызг не переругавшиеся родители наградили дочь. А в паспорте у неё значилось: Мерилин Фаруховна Останкина. Надо ли говорить, как только в детском садике, а позже и в школе не издевались над таким именем! «Лина из Берлина» или «Мерка-водомерка» – были самыми безобидными. Старшие братцы, двойняшки Колька и Марат, до истерик доводили её, глумясь «Мурлин-Мурло», «Мурило в белилах» или «Гульмурль».

Благодаря, кстати, братцам эти прозвища быстро разлетелись по школе, куда вместе с ними ходила самая младшая из Останкиных. И в очередной раз доведённая до слёз, первоклашка Лина неслась домой, надеясь найти утешение у матери. Василя Камилловна, упарившаяся после работы у плиты, лишь устало вздыхала и отмахивалась: «Они же шутят, кызым², что ты сразу в рёв-то?». И тут же отворачивалась к кастрюлям или находила ещё какой-то повод не смотреть в

² Кызым(татар.) – «моя дочка», более ласковое, чем кыз – дочь

покрасневшие от слёз глаза Линки.

А отец вообще делал вид, что она не его, приёмьш, которую он терпит только из мужской милости, раз уж от его жены родилась. Хотя даже вредной прабабке Ясе были очевидны портретные черты бесцветной Линки и смуглого, аж до черноты Фаруха Николаевича.

И только старшая сестра Ксения, уже в выпускных классах, вдруг прониклась к младшей своеобразной жалостью: попыталась как-то перекрасить волосы Линки басмой. В басме было всё: тазик и полотенца, стенки и бортики ванной, и конечно, одежда обеих сестёр. Мать теми же полотенцами их и исхлестала, застав в ванной. А вот на Линкиных волосах – ни пятнышка чёрной краски не было.

Братцы тогда обеих неделю изводили дразнилками «Страховидная коза белая, коза чёрная, полотенцами драные!». Ксения тогда снова стала сторониться Линку, словно боясь заразиться её невезучестью и «страховидностью».

Вот когда бабай Кось стал для девочки самым родным человеком, добрым защитником, открывшим ей удивительный мир чёрно-белых фотографий. Именно он зачаровал её процессом фотосъёмки, к которой у Линки была почти патологическая неприязнь, на грани фобии. Дедушка со временем стал забирать внучку в свою крохотную однокомнатную квартирку, все стены которой были увешаны теми самыми чёрно-белыми («Монохромными!») – солидно пояснял деда Кось) фотографиями. На них обычные и скучные пред-

меты и виды окружающего обретали какую-то загадочность, что-то по-настоящему волшебное. Линка подолгу могла рассматривать дедушкины работы. Внимательно разглядывала те, что хранились в пухлых фотоальбомах, краем уха слушая его объяснения. Словно он рассказывал не совсем ей понятные, но очень интересные сказки. Лина-девушка никак не могла вспомнить большую из них, как ни старалась.

Но вот кое-что – врезалось ей в память, словно отпечаток фотовспышки, выжегшись негативом в памяти. Бабай Кось как-то сказал, что такие чёрно-белые («Монохъёмные» – важно кивала Линка, у которой были ещё проблемы с буквой «р») снимки показывают суть вещей. Отбрасывают мишуру цвета, что обманывает глаза. Беспощадно обнажает то истинное, перед чем смиряется всё: человек, предметы и даже природа.

«Смотри, Линулечка моя, – сказал ещё деда Кось, попыхивая маленькой кукурузной трубкой. – В этих фото – я останавливаю даже время. Цветные снимки хороши, пока не начнут выцветать – в красный, жёлтый, а то и синеватый такой. Бывает, вообще все краски пропадают, остаётся только бледное пятно с контурами: то ли человек, то ли дом. А чёрно-белые – они из основных цветов, поэтому держатся гораздо дольше. Некоторым уже век и больше, а словно только вчера их напечатали. Время отступает от них, стороной обходит – не хочет быть схваченным...»

Слова эти были тоже не совсем понятны маленькой Лин-

ке, но словно заклинание – отпечатались в её сердце. Она зачаровано смотрела на бабая, пускающего колечки дыма в потолок, не спешившего продолжить свои рассуждения. А то, что он сказал минутой позже, и вовсе поразило воображение ребёнка.

«Когда делаешь чёрно-белое фото, нет никакого шанса скрыть суть. Цветастым можно отвлечь глаз, потакая в том числе человеческой привычке не видеть сути. А монохром беспощаден, он выявляет тайный контур, с которого всё началось. А заодно – он может показать мир как раз без людей, которые обычно желают раскрасить его в себе угодные краски. – Деда Кось подался к приоткрывшей рот внучке, сощурил единственный глаз, тёмный как у птицы, и заговорщическим тоном, почти шепотом добавил: – Запомни, Линулька моя, захочешь посмотреть на мир без людей, на *истинный* мир, сделай чёрно-белое фото. – И подмигнул ей: – Хочешь попробовать?»

Ещё бы она не захотела после дедовых слов! И это был самый волшебный день в её жизни, когда бабай Кось торжественно вручил внучке свой плёночный фотоаппарат – громоздкий, неудобный для детских рученок и весь такой *настоящий*. Конечно, дедушка помогал Лине, придерживал агрегат снизу, когда руки внучки начинали от напряжения ходуном ходить. Помогал настраивать резкость рычажками на объективе, а вот что снимать и как – это он доверил полностью ей.

И Линка исщёлкала чуть ли не всю плёнку, ловя в видеоискатель разное: старый чайник с вмятиной на боку на газовой плите; удивительно бодрую герань на окошке с вязаной занавеской; там же, рядом с горшком – массивную хрустальную пепельницу, в которой лежала другая дедова трубка, выточенная из толстого узловатого корня. В коридоре – Линкины босоножки рядом с огромными, растоптанными туфлями деда Кося. Лестницу со второго этажа на первый, кошку на крыльце, уставившуюся точно в кадр. Куст акации и закатившийся под него полусдутый мяч. Пустую песочницу с забытыми ведёрком и совком. Пустые качели чуть не посреди детской площадки, а за ними – столь же восхитительно пустой двор до самого забора детского садика...

Линка готова была фотографировать все уголки двора и все дома вокруг, и чуть не каждое дерево. Но кадров на плёнке было гораздо меньше. И тогда она решила снять деда, громко об этом и заявив, от волнения чуть заикаясь. Бабай Кось огладил всклокоченную бородищу, чинно уселся на слегка перекошенной лавочке позади песочницы. Принял вид «генеральский и важный», как он сам любил над этим шутить: спина прямая, грудь выпячена, левой рукой подбоченился, ладонь правой положил на колено. Если не генерал, то уж капитан пиратского корабля – точно!

...Лина помнила, как от усердия выставила язык, глядя в крохотный видеоискатель и изо всех сил стараясь заставить руки не дрожать. Как поставила ногу на бортик песочницы,

положила на согнутую коленку фотоаппарат и изогнулась в просто немыслимую дугу. Зато теперь – кадр не плясал, и всё было, как надо. Пискнула ещё: «Внимание! Снимаю!» – и нажала кнопку затвора...

...даже спустя столько лет, даже в нынешнем своём тоскливом состоянии, девушка остро ощутила тот мимолётный, яркий испуг, когда раздался характерный щелчок затвора, а в недрах фотоаппарат едва ощутимо вжикнул протягиваемый кадр плёнки. Потому что за долю секунд до – деда Кось моргнул. И маленькая Линка в последующее мгновение умудрилась испытать взрыв эмоций: огорчение, что бабай так сделал именно в момент съёмки, досаду на себя, раздражение – и вот тот самый испуг. Что бабушка больше не даст ей пофотографировать.

И не дал больше. Никогда. Потому что, утешив разревевшуюся внучку, клятвенно пообещав сегодня же вечером проявить и проверить плёнку; отведя хныкающую девочку родителям и вернувшись в свою квартиру... Деда Кось умер. Ночью, как закончил возиться с плёнкой в ванной, в свете красной проявочной лампочки. Успел даже пару снимков напечатать и повесить на просушку на прищепках. Он так и не погасил лампочку, когда его настиг сердечный приступ...

...когда Линка прискакала на следующее утро, дверь в дедушкину квартиру оказалась открытой. А внутри, словно привидения, бродили врачи скорой помощи, и глухо подвывала соседка тётя Тома. Она частенько по утрам стучалась

к пожилому соседу, чтобы занести горячих оладушек к завтраку. Заодно и проверяла, как там одноглазый дед поживает, не надо ли чего. У тёти Тома был даже дубликат ключа. И когда этим утром ни на звонок в дверь, ни на стук деда Кось не отозвался, тётя Тома зашла в квартиру сама. Так и грохнула блюдо с горкой оладьев об пол, когда увидела деда Кося. Тот лежал на полу в боковом коридоре, наполовину перевалившись через порог ванной. И его заливал, как кровью, красный свет проявочной лампочки.

«Старенький ведь был, восемьдесят годков, – в который раз повторяла тётя Тома осипшим голосом, комкая повязанный поверх цветастого домашнего халата передник. Всхлипывала и по новой: – Старенький совсем, а в больницы не ходил никогда. Хоть и на сердце иногда жаловался, я ему валлоду давала и корвалолу...»

Сидевший за маленьким столиком врач скорой только устало кивал и что-то быстро записывал в разложенных перед ним бланках. Тётя Тома надрывно вздохнула и тут заметила Линку, застывшую на пороге квартиры. Ахнула, всплеснула руками и заголосила: «Ой, Леночка! Что ты тут?!.. Зачем?! Ой, горе-то какое, Леночка-ааа! Помер дедушка твой, совсем по-оооме-еер!..»

И Линка, прилипнув к косяку, смотрела на неё расширенными от непонимания глазами. Не пытаясь буркнуть по привычке: «Я Лина, а не Лена». К ней подошёл второй из врачей, что-то спрашивал, пытаясь выяснить номер домашне-

го телефона родителей. Линка словно не понимала его, сама не могла ни слова выдать, губы как слиплись. На помощь пришла шмыгающая носом тётя Тома, вызвалась сбежать до квартиры Останкиных, жили-то через двор.

А Линка всё смотрела и смотрела. Но не на то, что лежало на полу комнаты, укрытое простынёй. На красный отсвет из ванной на стене коридора.

Тётя Тома убежала, врачи скорой как будто забыли про бледную девочку с немигающими, пугающе светлыми глазами. Словно она растворилась в неярком утреннем свете, что падал в комнату через настежь открытое окно. Или в сигаретном дыме и усталых дежурных репликах, которыми обменивались взрослые. Скоро нагрянут взбудораженные родственники умершего деда, и придётся по новой выслушивать ахи, охи, вопросы-ответы...

Линка по стеночке пробралась в ванную. Увидела два снимка, сиротливо висящие на прищепках. И, себя не помня, она стащила их, спрятав под футболкой, чувствуя, как липнет к телу глянцевая их сторона. А минут пять спустя квартира наполнилась голосами – мужскими и женскими, плачем и выкриками. Тётя Тома привела не только родителей Линки, но и чуть не пол-двора. Принесли и Колька с Маратом, изнывая от желания поглядеть на покойника. Вместе с Линкой их выставили вон, поручив Ксении присматривать за младшими. Та, конечно, раздражённо расфыркалась и подзатыльниками погнала всю троицу домой.

Весь день Линка провела как в тумане, отсидевшись в своём углу комнаты. Сестра, вынужденная сидеть дома и шпынять егозливых двойняшек от входной двери, то и дело срывалась на Линку криком. Та молчала, подтянув колени к груди и боясь только одного: фотографии выпадут. Она даже обед готова была пропустить, но мрачный отец, заглянув в комнату, так рявкнул, что пришлось идти и сидеть вместе со всеми за большим столом.

Линка не помнила вкуса еды и вообще – поела ли. Мимолётно отмечала заплаканную мать, подпирающую лоб ладонями, непривычно тихих братьев, напряжённую, очень *повзрослому* сидящую сестру. Бубнящий голос отца про похороны, поминки, подобающее поведение – тоже воспринимала фоном. Линке всё казалось, что взгляды семьи медленно сходятся на ней. Что вот сейчас её спросят о чём-то, что никак нельзя говорить вслух. Чудилось ещё, что предметы на столе начинают терять цвета, оставляя только чёрное и белое. Особенно – чёрное: в тенях под тарелками и супницей, под руками матери. В глазах отца из-под густых почти сросшихся бровей...

Всё вернулось на места, когда появилась прабабка Яся в сопровождении тётушек и соседок из двора. Дядьки, потоптавшись в коридоре, кликнули с собой мальчишек, в гаражи, и те радостно унеслись за взрослыми. Линке было велено идти в комнату или погулять. А вот старшую сестру внезапно попросили остаться и закрыли за ней дверь в столовую.

Линка на улицу не хотела. Колька и Марат наверняка уже весь двор на уши поставили, хвастаясь, что видели покойника (хотя ни того, ни другого даже за порог дедушкиной квартиры не пустили). Девочка смутно догадывалась, что все бабушки и тётеньки по двору начнут, чуть что, сразу завывать и жалеть её, как тётя Тома. Поэтому она прикрыла за собой дверь в комнату, залезла на кровать, легла лицом к стене. Натянула одеяло чуть не на голову. И только тогда отважилась достать из-под футболки фотографии. Те не сразу и отлипли от кожи. Линка всерьёз испугалась, что изображения так и останутся у неё на животе.

Снимки были тёплыми, как-то неприятно тёплыми, пахли ещё особым химическим запахом. Лёжа на боку, Линка рассматривала их, чуть не носом упираясь в изображения. На первом фото были те самые качели, в каждом дворе такие: стойка с верхней перекладной, деревянное сиденье на двух металлических прутьях. Спинка у сиденья давно выломана, а позади качелей – пустая площадка для игр в мяч, а ещё дальше всё почему-то совсем светлое и невнятное. Ни забора вокруг детского садика, ни веранд. Казалось, что там – туманная пустота.

Линка так долго пыталась рассмотреть неясные детали, что перед глазами даже «зайчики» запрыгали. Дробный топот ног в коридоре заставил её встрепенуться, отдёргнуться от фотографии. Но она так и осталась лежать и не шевельнулась, когда дверь в комнату приоткрылась, и голос Васили

Камиловны окликнул: «Мерилин? Кызым, спишь, что ли?»
«Да пусть себе спит, – ввинтился голос прабабки. – Только вот её ещё там не хватало, с глазёнками её белыми, тьфу!»
«Ясмина Тагировна!»

Дверь в комнату захлопнулась, отрезая голоса матери и прабабки. Потом глухо бухнула входная, щёлкнул запираемый замок, и стало тихо. Линка ещё полежала, притворяясь спящей, прислушиваясь: вдруг сейчас Ксения зайдёт и начнёт нудеть. Не зашла.

Девочка села, удержав одеяло на голове, словно в шалашике укрылась. Отложила снимок с качелями. И вдруг заробев, перевернула второй. Несколько секунд, не мигая, смотрела на него. А потом горько разревелась и остановиться не могла чуть не до возвращения родителей и сестры. Те прямо влетели в комнату, заслышав с порога детский плач, уже больше похожий на вой. Выдернули из одеяла, даже не заметив, что под кровать спорхнуло два листа с чёрно-белым изображением.

В тот день мама, сестра и даже отец утешали урёванную Линку, говорили какие-то глупости, что дедушке хорошо, он уже на небесах, поплачь-поплачь, станет легче, хочешь сладкого чаю?

А Линка плакала и плакала, до звона в ушах и головокружения. Не помнила, как в неё влили чай, сладкий до приторности, и жгучий: дрогнув рукой, отец плеснул туда больше, чем хотел, коньяка. Не помнила, как почти сразу провали-

лась в сон – чёрно-белый, *монохромный*. Без звуков, движения. Без людей... И только на скамейке напротив – сидел дед Кось, закрыв единственный глаз, и улыбался. А вот чёрная повязка на другом глазу – смотрела, смотрела, смотрела. Куда-то в душу, в самую *суть* Линки, и она там, во сне, знала: дедушка умер из-за неё. Из-за того, что она сделала то последнее фото...

Фотографию с дедушкой потом нашли и даже какое-то время держали в серванте, оформив в траурную рамку. Убрали, впрочем, быстро, поскольку Линка всякий раз ударялась в слёзы. Родители её даже психиатру водили, чтобы успокоительные лекарства назначил.

И вот эта страничка биографии – пара визитов к «мозгоправу» – добавили новых страданий в жизнь Линки. Братцы, не смотря на запрет отца, и даже угрозу ремня, с воодушевлением распространили по двору легенду о «психованной Линке». Подробности с каждым разом становились всё более леденящими кровь, так что вскоре с «немочью бледной» перестали водиться все дети из двора. А к моменту поступления в школу, Линка имела репутацию «конченной припадочной психички».

Искать утешения и уж тем более – спрятаться теперь было не у кого и негде. После похорон квартиру и всё имущество деда быстро распродали, а что не смогли продать – выбросили. В том числе и все фотографии и фотоальбомы. Исчезло даже траурное фото, как ни пыталась его отыскать Линка,

став постарше. А снимок с качелями пропал ещё в тот злощастный день. Словно его вообще никогда не было.

Школьный период мог бы обернуться кромешным адом, поскольку и в семье всё разладилось. Двойняшки, подрастая, наглея и шалея от кажущейся безнаказанности, были постоянным источником головной боли родителей. Те же были заняты тем, чтобы заработать на учёбу старшей дочери в приличном университете. На младшую, со всеми её душевными муками, ни у матери, ни тем более у отца уже не оставалось никаких сил. Успеваемость у Линки была очень средняя, и сравнений с успехами старшей сестры было не избежать. Мать часто срывалась на крики и невнятные обвинения, и девочка почти совсем замкнулась в себе.

Если бы не Лейла, для близких друзей и домашних – Лейка-Бармалейка. Полная противоположность Линки – пухлая, розовая, бодрая и резвая, как поросёнок. Она внезапно взяла под свою защиту бледную, всеми зашуганную Линку, чуть не с самых младших классов и по выпуск. И даже когда их развели в разные классы, Лейла, боевая подруга, всегда старалась быть рядом, утешить, ободрить, вытряхнуть из незримой скорлупы. И встряхивала – вполне натурально.

«Раз живём, два – жуём!» – каждый раз заявляла Лейла, когда Линка прибежал к ней за утешением после очередной травли в школе. И потом шла валять обидчиков подружки в пыли, да так, что те улепётывали, позорно поджав хвосты. Отец Лейки был экс-чемпионом по боксу, сам трени-

ровал, вот и дочку уже научил парочке приёмов. И кстати, Юрий Хафизович не шарахнулся от бледной девчонки, которую однажды для знакомства притащила его неутомная дочь. Очень серьёзно поздоровался, уточнил, не внучка ли она Константина Оскаровича, «величайшего и гениального фотографа этого города и эпохи». И когда, обалдевшая Линка, кое-как поняв, что речь идёт о покойном дедушке, кивнула, тоже очень серьёзно, по-взрослому пожал ей руку.

...Лина слабо улыбнулась. Те посиделки дома у Лейки возвращали ей радость жизни и надежду, что когда-нибудь и другие начнут относиться к ней по-человечески... Пока однажды отца Лейки внезапно не перевели в другой город. Отъезд состоялся чуть не на следующий день, и Лейле пришлось ехать вместе с отцом. Подружки едва успели попрощаться. Случилось это перед выпускным классом, и для Лины всё разом стало хуже без жизнерадостной подруги.

Лина не хотела вспоминать те кошмарные полтора года, когда, потеряв работу, запил отец, и мать теперь надрывалась на трёх работах; когда Марат чуть не сразу после своего выпуска попал в колонию для несовершеннолетних, а Колька, чтобы избежать тюрьмы, пошёл досрочно в армию; когда старшая сестра, отучившись едва ли один курс, стремительно вышла замуж, родила, развелась – и вернулась в отчий дом с орущим младенцем на руках.

В квартире мгновенно стало невыносимо, тесно, шумно, запредельно нервно. И Линка сделал почти невозможное:

подтянула все предметы, заранее подала заявление на бюджетное место в гуманитарный универ, сама записалась на подготовительные курсы. И главным чудом стала комната в общежитии, которую, никого не спросив, ей внезапно отписала прабабка Яся перед тем, как преставиться. Ещё и кое-какие сбережения оставила, пока правнучка не закончит школу и не найдёт подработку. Изумила Ясмину Тагировна всю родню, включая Линку, но наследство никто оспаривать не стал. Наоборот.

Переезд младшей Останкиной стал поводом для странного истеричного семейного праздника. Фарух Николаевич даже вышел из запоя и помог дочери перевезти немногочисленные пожитки в общежитную комнатушку, вполне, впрочем, обжитую и почти уютную. Подремонтировал немногочисленную мебель и отрегулировал дремучий, но ещё рабочий холодильник. Даже притащил откуда-то использованную микроволновку и электрочайник весь в бело-голубых узорах.

Мать тоже словно очнулась и всё переживала, как же теперь «её кызым» будет жить одна. Насобирали ей сумку вещей, аптечку, вытащили вот этот самый рюкзачок, который планировала подарить на день рождения. Всё охала, ахала и как-то жалобно то заглядывала в лицо дочери, то прятала глаза.

Ксения внезапно отдала свой старый, но вполне рабочий телефон, даже с картой памяти и с мобильным интернетом. Сказала, что у неё такой тариф, что можно второй номер под-

ключить, её не обременит оплачивать. Показала, как работают обе камеры и как звонить по Ватсапу. «Чтобы могли поглядеться», – внезапно смутившись, добавила тогда Ксения и торопливо ушла к захныкавшему маленькому сыну.

У Лины в ту минуту возникло гадкое, до тошноты, ощущение: её спроваживают подальше, откупаются, как могут, вот, даже телефон с интернетом – «повацапиться». Лишь бы только домой возвращалась пореже...

...она сидит в парке, одном из немногих мест, где ей удалось ощутить себя в безопасности. Перебирает – и не может прекратить – эти неуклюжие минуты прощания, раздавленная пониманием, что семья ждёт не дожждётся, когда же она переступит порог квартиры, уйдёт уже прочь. Не радовало даже отсутствие обоих братьев; те бы нашли, чем ещё испоганить момент. «Подвиги» Кольки и Марата, даже заочно, добавили мерзости в жизнь девушки. Лина сегодня обнаружила на подготовительных курсах чуть ли всех главных «троллей» своего класса. Завидев её в аудитории, кто-то из них, не скрываясь, громко заявил: «О-о, а вот и сестра уголовничка!». А для тех, кто видел её впервые, тут же дали красочные пояснения, припомнив и «психичку».

Девушка еле досидела до конца занятий и сбежала прочь, сюда, в парк. Отчаявшись освободиться от бури захлестнувших её чувств: отчаяния, горя и ненависти.

– Ненавижу. Твари, – сквозь зубы выдавила из себя Лина, так стиснув смартфон, вдавив пальцы в дисплей, что по тому

радушные разводы пошли.

Лина тупо, не мигая, несколько секунд смотрела на свои руки – белые по сравнению с тканью джинсов и манжетами курточки. Кое-как заставила себя расслабиться и смотрела, как исчезают многоцветные оттиски на дисплее, пока снова не стала видна заставка: одинокое дерево на фоне туманного пейзажа. Крона сзади подсвечена неярким солнцем – и больше ничего и никого. Ни птиц, ни животных. Ни людей.

Кольнуло вдруг – тонко, остро и ярко, из того уголка памяти, которого Лина все эти годы старалась даже мимолётно не касаться. И вот...

«...захочешь посмотреть на мир без людей... сделай чёрно-белое фото...»

Голос деда прозвучал так, словно он рядом сидел. Лина вздрогнула, оглянулась. Но на краешке досок, подморённых до тёмно-шоколадного, сидел только любопытный голубь. Вертел головой, глядя на девушку то одним, то другим круглым оранжевым глазом. Стоило ей шевельнуться снова, взмыл, шумно, со свистом хлопая крыльями.

Лина провожала его взглядом, как он летел над прозрачными верхушками берёз, метнулся куда-то в сторону. Потом она медленно перевела взгляд на смартфон, в правый нижний угол с иконкой фотоаппарата.

После того, как Ксения объяснила, как использовать камеры гаджета, Лина фотографировала всего пару-тройку раз. Снимки тут же удаляла. Поэтому с настройками пришлось

повозиться, пока она нашла, как сменить режим на чёрно-белый. Девушка ощутила странную внутреннюю дрожь, когда картинка на дисплее мгновенно изменилась, утратив всю палитру цветов, кроме чёрного, белого и переливов серого между ними. Лина подняла взгляд, сравнивая: вот прудик с россыпью жёлтых листьев по берегам и воде; в глубину вода становится зеленовато-болотной; выглядывающие у кромки декоративные валуны – наоборот, изумрудно-яркие от нарощей тины. На том берегу несколько скамеек – бирюзово-голубая, солнечно-жёлтая и третья всех цветов радуги. Над раздвоенным руслом, откуда вода из прудика рушилась дальше по склону, выгнулись горбики двух мостиков. На художественно переплетённых прутьях – замки «на вечную любовь»: серые, латунно-золотистые, красные. Над всем этим – небо, того оттенка голубого, который появляется только осенью.

А на дисплее телефона – словно совсем другой мир, странно отконтуренный, жёсткий. *Беспощадный.*

Лина подняла телефон, «прицелилась», коснулась сенсорной кнопки. Вместо щелчка затвора раздался звук фото вспышки – и чёрно-белый мир застыл во всей своей чарующе-мрачной, словно обнажённой, красоте. Толком не всмотревшись в полученный снимок, Лина подхватила на ноги и, словно себя не помня, стала снимать всё подряд.

Вот за спиной над кронами берёз выплывает фрагмент колеса обозрения. *Вспышка!* А вот отражение того же коле-

са – в поверхности прудика. *Вспышка!* Лестница, сложенная из нарочито грубых, словно мегалитических камней... Абстрактные скульптуры, жутковато белеющие среди сосен и кустов... Вид на колесо с другого ракурса, снизу от лестницы... Сорочье перо, чернеющее на траве... Выложенная фигурным кирпичом дорожка, сбегаящая вниз, под горку и скрывающаяся за поворотом. *Вспышка! Вспышка! Вспышка!*

Крутанувшись на месте, Лина нацелилась на верхнюю часть дорожки: та словно обрывалась в небо. И тут из кустов вывалился дядька в спортивном костюме, со спаниелем на поводке. Камера телефона «полыхнула», девушка ойкнула. Дядька мазнул по ней безразличным взглядом и трусцой побежал себе вниз по треку, слегка поддёргивая поводок. Лопухий пёс попытался на ходу принюхаться к застывшей с телефоном в руках девушке, негромко брехнул и поспешил выровняться с хозяином.

Лина ощутила, как запыльхали щёки, уши, а за ними – и шея. С такой-то кожей любая сильная эмоция превращала её в натуральный мухомор. Поэтому она поспешила убраться с открытого места, а ноги – по привычке понесли к пруду. Очнулась она на бережку с яркими скамейками, замерев возле солнечно-жёлтой скамейки. Она не замечала, как вцепилась в крашенную спинку скамейки пальцами. Смотрела, как в вышине медленно плывут кабинки «чёртова колеса». Сил перебраться хоть через мостики, хоть в обход туда, на

свою скамейку, у неё вдруг не осталось. Не дойдёт, или споткнётся и скатится вниз по склону прямо в мутноватую воду.

Поэтому Лина даже не села – обрушилась на скамейку. Телефон в руках казался почти обжигающе горячим – то ли от её рук, то ли и вправду перегрелся. Девушка отдышалась, помахала себе в лицо ладонью, остужая щёки. И с какой-то неуместной робостью – открыла фотогалерею телефона. Там было всего девять снимков, хотя Лине казалось, что должно быть не меньше сотни. Медленно листая их, девушка с головой погружалась в переставший быть знакомым, чёрно-белый – *монохромный* – мир. Кое-где камера явно не справлялась с балансом белого, и на этих снимках небо выглядело каким-то сумеречным. На другом – не было видно несущей конструкции колеса, и цепочка кабинок словно зависла в этой безвременной пустоте. Тени же в дальних участках кадра выглядели как-то по-особенному плотно и непроглядно.

Лина дошла до девятой фоторафии и поморщилась: любитель пробежек с собакой всё-таки попал в кадр. Правда, выглядели оба размытым пятном, а задний фон и дорожка наоборот – чёткие, словно очерченные. Прищурившись, девушка с некоторым удивлением отметила, что ноги мужчины и лапы пса не касаются земли. В этом снимок можно было счесть даже удачным, словно она призраков сфотографировала. Поэтому-то и не стала удалять. Но миг спустя возникло смутное и какое-то почти злобное чувство. Лине было

неприятно, что череду *безлюдных* фотографий – завершает эта.

Девушка не любила фотографироваться даже в режиме селфи. «Себя-а-аашки-иии!» – весело бляяла Лейла, у которой к старшим классам уже был свой телефон с камерой. Лейка оказалась махровой фанаткой селфи, делала не по одному десятку снимков в день. Привлечь к этому Лину никак не удавалось, и Бармалейка всё норовила щёлкнуть подружку исподтишка. А потом они устраивали визгливую возню, когда Линка пыталась отнять у хохочущей Лейлы телефон или заставить удалить все фото с её белым лицом...

Лина слабо улыбнулась, одновременно ощутив новый укол обиды: с момента переезда Лейла ни разу не позвонила на домашний телефон, не прислала ни одного письма, хотя честно записала адрес Останкиных. Девушка отмахнулась от очередного тягостного переживания, а заодно – от вьёвшегося намертво внутреннего протеста против снимков с собой.

Переключила камеры и поджала губы, когда на дисплее проступило подобие её отражения: подвижное, хмурящееся, щурящее белые глаза, нервным жестом убирающее за ухо почти белые волосы. За спиной селфи-двойника – контрастно-яркое осеннее небо, трепещущая рябь берёзовых крон, местами ещё зелёных.

Фильтры у «себяшки» были немного другие, чем у основной камеры: природа... румянец... история... загадка. Наконец, ч/б. На миг Лина заколебалась, глядя на своё «отраже-

ние», почти утонувшее, слившееся с моментально обесцветившимся небом. Она подняла телефон повыше, чтобы поймать в кадр более тёмный фон. Смотреть прямо было неприятно – пробивавшиеся сквозь листву солнечные лучики выдавливали слёзы из глаз. Но Лина терпеливо выставила таймер на три секунды, задержала дыхание, нажала пуск...

...и на третьей секунде – не выдержала, закрыла глаза. Тут же вспомнился бабай Кось, а в голове мелькнуло: «Как на постмортем³». Откуда только и вспомнила о таком?!

Телефон издал звук вспышки. Лине под закрытыми веками даже показалось, что действительно – полыхнуло. Хотя скорее всего, это был всего лишь солнечный луч, отразившийся от кабинки колеса обозрения. Девушка открыла глаза, ощущая ещё остатки блика и непроизвольно щурясь. Окружающее показалось слишком белым, как после реальной фотовспышки. Лина поморгала, прогоняя временное ослепление, снова посмотрела перед собой... И обомлела.

Из отступающего фантомного света проступали очертания окружающего, медленно, как при проявке. Серый, кажущийся шершаво-гранитным пологий бережок, сбегаящий к пруду. Поверхность того теперь выглядела чёрным зеркалом с налипшими на поверхность белёсыми чешуйками. Контрастно белые с чёрными метинами берёзки, кроны их

³ Постмортем – посмертная фотография, обычай фотографировать недавно умерших людей появился с изобретением дагерротипа, был популярен в конце 19-го века.

– прозрачные и словно из пепла. Полукружия мостиков над раздвоенным руслом напоминают зарытое глубоко в землю сердце – металлическое, ажурное, чёрное. Повисшие в бесцветном небе кабинки колеса обозрения. Само колесо – едва заметно, размывается в безвременной, лишённой понятия день или сумерки, вышине...

Всё до боли знакомое – и совершенно чуждое. Чёрно-белое. *Монохромное.*

Лина вытаращилась так, что даже глаза заболели и снова заслезились. На дворе царило «бабье лето» начала сентября, так что лёгкая ветровка девушки была нараспашку. Но *здесь*, в этом месте температура не ощущалась. Никак. Только по спине у Лины побежала струйка ледяного пота, противно защекотав в районе поясницы. Девушка снова зажмурилась, потрясла головой, решив, что либо перегрелась, либо что-то со зрением случилось. Но когда она посмотрела перед собой, всё осталось тем же: зеркально-чёрный пруд, берёзы с невесомо-серебристой листвой, полукружье кабинок в небе.

– Что з-за?.. – хотела крикнуть Лина, но вместо этого из горла вырвался жалкий шёпот.

«С-са-аааа... с-са-аа...» – прошелестело эхо, похожее на выдох в пустой комнате, быстро угасло.

Девушка поднялась на деревянных ногах, пальцы судорожно сжались – на пустоте. Телефона в руках не было и в помине. Ни на земле. Ни под скамейкой. Лина вдруг заметила, что на уровне глаз что-то повисло, навязчиво привлекая

внимание. Она словно во сне протянула руку, со всё ещё полусжатыми пальцами, тронула костяшками пепельно-серебристый лист, застывший в воздухе и не желающий падать. От её прикосновения тот едва заметно шелохнулся, а иззубренный край оказался неприятно твёрдым.

Лина поспешно отдернула кисть, боясь, что порежется, попятилась назад, за скамью, словно прикрываясь ею. Ещё шаг и...

Вспышка!

...она наткнулась на что-то спиной, возможно, на ствол дерева, которое в отличие от листа – как-то странно подался под весом девушки. Лина крутанулась на месте – и на этот раз уже от души взвизгнула. Шепчущее эхо навалилось со всех сторон, дробясь и множась. По счастью, странные звуковые шутки быстро закончились, пока Лина, зажав себе рот руками, тарасилась на размытое нечто перед собой. Узнать бегуна с собакой удалось далеко не сразу, в монохроме и без того искажившиеся черты превратились в сюрреалистичный образ.

Отшагнув в бок, Лина отдышалась, кое-как уняла истеричную дрожь во всём теле и уже внимательнее присмотрелась. Да, это был тот самый дядька и спаниель, чей случайный снимок вышел не в фокусе. Девушка бочком стала обходить их, почему-то ожидая, что превратившиеся в метель чёрного и белого силуэты будут плоскими, как картонные рекламные фигуры. Испуг и потрясение от происходящего,

а так же более ранние эмоции отступали перед нарастающим удивлением: фигуры были вполне себе объёмными. Хотя с обратной, так сказать, стороны Лина никак их не могла сфотографировать. Девушка завершила обход схваченной кадrom парочки – человек и собака. Присела на корточки и поводила ладонью под зависшими над плитками трека ногами-лапами. Висят, нарушая все законы физики, не падают.

– Ух ты... – пробормотала Лина и отважилась ткнуть пальцем в собаку. Шерсть не подалась шелковисто и мягко, а нехотя спружинила, как плотно набитая подушка. Девушка хмыкнула и уперлась в бок собаки уже двумя ладонями. Сдвинуть парящее в паре сантиметров над землёй не такое уж и крупное тельце псины удалось едва. А вот поставить ей торчком уши – легко. И некупированный хвост – сместить влево.

– Я сошла с ума, деда Кось, я наконец-то спятила, – прошептала Лина, безуспешно пытаясь справиться с губами. Те расплзались в истеричной улыбке. – Я – попала в *Монохром*.

«*Хо-оом-ммм...*» – подхватило недолговечное эхо.

Она резко выпрямилась, забыв, что от такого могла и голова закружиться. Ничего такого не произошло, не зазвенело в ушах, грозя обморочным состоянием. А можно ли потерять сознание внутри видения?! Лина хихикнула и уже не обратила внимания на дробное, быстрое эхо-шёпот. Повторила попытки сдвинуть с места мужчину, наваливалась уже всем весом, добившись того же едва заметного наклона как

и у собаки. Сама себе удивляясь, этому выплывшему неизвестно из каких уголков шальному веселью – взяла и вывернула все карманы на костюме дядьки. Из ушей – выдернула капельки беспроводных наушников и выкинула в воздух. Те там так и повисли. Ещё подумав, нашарила на шее собаки ремень ошейника, повозилась, расстёгивая и выпутывая из неестественно плотной, как слежавшаяся вата, шерсти. И надела мужчине на голову.

Странный, непривычный задор требовал ещё каких-то действий, и Лина снова обошла бегуна и собаку кругом. Прищурилась, прикидывая, чтобы такого сделать – и отшагнула назад, вперёд спиной.

Вспышка!

Она стояла всё на той же дорожке, только совсем одна, глядя вниз по склону. Ошарашено поморгала, оглянулась, невольно ожидая – вот сейчас из кустов снова выломится дядька со своим псом. Но всё оставалось таким же пустым и неподвижным. Баланс контрастов при съёмке и здесь был нарушен, поэтому дорожка казалась почти белой, тени – слишком густыми, графитовыми. Стыки плиток были до того неестественно чёрными, что сами плитки казались парящими в воздухе. А дальний край трека, что нырял за поворот в прикрытие высокого кустарника – вообще непроглядно-чернильным.

Лина помнила, что в момент снимка там точно никого не было, даже за поворотом. Но сейчас, напряжённо вглядыва-

ясь в пятно тьмы, ей всё отчетливее чудилось: кто-то стоит. Неотделимый от остальной черноты, но он там есть. От дурного, хоть и задорного веселья не осталось и следа.

Девушка сглотнула и не сразу поняла, что изменилось. Шаг. Она не заметила, как сделал шаг вперёд. И даже уже не один – секунду назад фонарь с фантастически выглядывшим плафоном был впереди, на расстоянии в пару метров. А сейчас – сравнялся с её плечом...

– Что?! Как? – пролепетала Лина, и вот уже сама не зная как, поравнялась с урной, что только что была впереди. Шепчущее эхо на этот раз промолчало. И как-то так – *по живому* промолчало.

А тьма у поворота, там, куда фотокамера никак не могла заглянуть, всё смотрела и смотрела. Приближалась, не делая ни движения. Это Лина – шагала ей на встречу, не помня, чтобы хоть раз двинула ногой или рукой.

Вернулся страх. И не тот, который заставил её завизжать от изумления, когда она обнаружила замерших в размытом, гауссовом⁴ эффекте бегуна с собакой. Давний, старательно скрываемый в закоулках памяти. Острый и пронзительный, как раскалённая спица или боль при месячных.

Тот, сгустившийся в доли секунд, когда бабай Кось моргнул.

– Нет!!! – взвыла Лина, обнаружив, что носки кроссовок

⁴Эффект Гаусса – приём, при котором часть изображения размывается, словно при быстром движении. Используется в фильмах фотошопа.

уже впутались в тень от веток кустов на плитках. За спиной прямо в небо, пустое, без всяких теней – взмывал верхний край дорожки. Надо развернуться и нестись туда со всех ног... *Шаг.* И тьма из-за поворота – заметно разрослась, выползая за обозначенные снимком границы.

– Нет!!!

Ей показалась – она сейчас вся вывернется из суставов, разорвёт позвоночник на отдельные позвонки, с такой силой подалась назад. Стало и вправду чудится: что-то рвётся, какой-то невидимый кокон, а может – всё тело начало распадаться на волокна, как перетянутая до предела ткань. И – шаг, назад, спиной вперёд.

Вспышка!

Во всё поле зрения – серо-стальная трава с россыпью клеверных «крестиков». Перед самым лицом – перо, тоже серое и словно бы обожжённое по краям морозом и заиндевевшее. Лица загнуто дышала, почти лёжа на животе и никак не в силах отвести взгляд от пера. А в голове вдруг забились догадка: порядок кадров! Она движется через снимки, в обратном порядке! И каждый раз – когда совершает отшаг назад.

– Ещё шесть, – прохрипела она самой себе, прикипев взглядом к «заиндевевшему» перу. – Шесть фоток и тогда...

Что будет тогда, она постаралась не представлять. А потом и вовсе чуть не забыла о посетившем её озарении, когда перо – серое на сером, полосой поперёк – вдруг начало медленно менять цвет. На чёрный, без единого блика хоть у края, хоть

на центральном стержне. Словно посреди полотна с невыразительным растительным принтом – вдруг образовалась узкая продолговатая дыра. И оттуда Лина ощутила *взгляд*.

Как сделать шаг назад, спиной вперёд, если непонятно – то ли ты лежишь на животе, то ли сильно наклонился. Куда шагать – вверх, в небо?! Лина не думала, не пыталась представить – дёрнулась всей собой, снова ощущая противное, хоть и безболезненное *обрывание*...

Вспышка!

...Вид на колесо обозрения снизу от лестницы, сложенной из грубых камней. Здесь она здорово отбила себе зад после рывка из снимка с пером. Так, на заднице, и пришлось делать отскок назад, сдирая с задних карманов джинсов стразинки. Да и ладонями шаркнулась – мало не покажется. Хныкать времени не было, через самую верхнюю ступеньку уже переливалась тьма – и *взгляд*.

Вспышка!

В следующем кадре Лина чуть не запуталась в ветвях, а потом – получила тычок в рёбра. Словно прабабка Яся жёлтым ногтем въехала.

– Ай! – взывала девушка, не сразу сообразив: переместившись на середину той же самой лестницы, она невольно отскочила в бок, в кусты, где зловеще белели абстрактные фигуры, напоминающие то ли призраков в простынях, то ли языки исполинского костра, или вовсе какие-то inferнальные цветы, растопырившие змеящиеся отростки. На один из

них Лина и налетела боком, аж слёзы из глаз брызнули. Выпутываясь из веток, охая, она обрывала листья – и те тянулись за ней, как за самолётом инверсионный след, повисая в воздухе и не падая.

Девушка вернулась на лестницу, глянула в подножие, хотя перед глазами затуманилось и плыло. Ей хватило разглядеть: основание ступеней и прилегающая дорожка скрылись в темноте. Словно там чёрная река разлилась, не цепляя, впрочем, стоящие по бокам деревья. Спина у девушки уже вся была мокрая от липкого ледяного пота, но того исступлённого страха – она уже не ощущала. Опять накатило чудное, чужое веселье, словно в неё бес вселился. Один из тех, что толкал её братьев на всевозможные проделки.

– Кукуиньки, сказали зайньки! – крикнула Лина в медленно втекающую вверх по ступеням темноту и уже уверенно шагнула спиной вперёд.

Вспышка!

И ещё три подряд – на каждый новый отшаг, не задерживаясь в оставшихся кадрах, не разглядывая их. Качнулись перед глазами кабинки, словно повисшие в небе – предпоследний, а если считать сначала – второй снимок в череде прочих. Качнулись так, словно Лина опрокидывалась на спину, спеша их миновать – и ведь действительно едва не рухнула, когда ей под колени словно ударила скамейка. Та самая, с которой был сделан самый первый снимок.

Девушка часто, загнанно дышала, шаря взглядом по скло-

нам, по ажурным хребтам мостиков, чёрной, зеркальной поверхности прудика. Пока нигде тени не стали гуще, не прорезались невидимыми зрячими глазами. Она вернулась в начало, но *Монохром* – её не отпускал, не возвращал в реальный мир.

– Как же так?! – тихо в отчаянии прошептала Лина, снова и снова мечась взглядом по застывшей панораме. – Что – не так?!

«А-ааа-аак...» – вдруг откликнулось шепчущее эхо, и девушка уловила движение. Застыла всем телом, двигая только глазами. На пруд: нет, вода не стала провалом в крошечную тьму. Мостики – не распались текучим чёрным ажуром, потёкшим бы, словно змеи, по земле. Деревья: всё так же просвечивали невнятно белёсым фоном. Три скамьи напротив – одинаковые, даже у «радужной» полосы почти слились в один оттенок...

Она сидела там. На центральной из скамеек – солнечно-жёлтой в реальном мире. Зыбкая тень, расслаивающаяся и снова пытающаяся уплотниться. Смотрела – тем самым взглядом без глаз. Сейчас не такая густая, словно в тушь щедро добавили воды, или словно клуб дым, расплывающийся на ветру.

Лина дышала мелко, поверхностно, боясь звуком дыхания себя выдать. Боялась моргнуть, боялась отвести взгляд. Она вдруг представила себя со стороны – белая, точнее, почти бесцветная от рождения, в светлой ветровке и джинсах. Не

слишком-то и отличается от естественной палитры *Монохрома*. Особенно если не двигаться.

Тень колыхнулась, перетекла в очередной раз, сделала движение, которое показалось Лине смутно знакомым. Если бы у тени были руки, *она* бы их сейчас поднимала к голове, к лицу, к глазам – если бы те у неё были...

Лина вообще дышать перестала, закусила губу чуть не до крови, лишь бы не завопить: тень копировала её, Лину, когда она совсем недавно – давно?! Сколько прошло времени?! – делала селфи! Или тень собиралась сфотографировать берег – на котором, оцепенев на скамейке, находилась девушка?

Лина не хотела знать, что произойдёт, если тень каким-то образом сделает фото – самой себя или её. Она нутром чувяла, ничего хорошего не будет. Но отшагивать ей уже было некуда, ведь никаких других снимков на смартфоне не было. И сам смартфон – как в воздухе растаял.

И вдруг мелькнуло: деда Кось учит её «ловить кадр», не используя видоискатель фотоаппарата. Складывает указательные и большие пальцы рук так, что получается рамочка, подносит к лицу хихикающей Линке и быстро сводит и разводит пальцы, сочно произнося: «Вж-жжжик! И кадр пойман!». Линка потом весь день развлекалась, украдкой лоя в «рамочку» из пальцев то угол комнаты, то спину сестры, то вид из окна...

Тень вдруг налилась той самой чернотой, контуры стали резче, и Лина поняла, что не ошиблась в своих подозрениях:

жуткое порождения *Монохрома* «целилось» как при фото-съемке. Так и не было понятно, себя выцеливает или девушку. Лина не стала дожидаться, вскинула руки, сделал «рамочку» – и быстро «вжикнула» пальцами навстречу и обратно, имитируя работу диафрагмы камеры. И одновременно – закрыла глаза.

Вспышка!

Только не белая, а непроглядно чёрная, словно на глаза наложили плотную непросвечивающую повязку. В ушах Лины возник звон, предвестник обморока, по телу прокатилась отнимающая все силы вязкая волна.

«Вот сейчас со скамейки-то грохнусь...» – отстранённо подумала девушка и миг спустя – действительно ощутила удар. Но не такой, как если бы всем телом рухнула на землю и покатила бы по берегу вниз.

Спина утратила всё напряжение, и Лина просто сильно, хоть и не больно ткнулась лопатками в спинку скамейки. С губ сорвался выдох, похожий на сипение – это она уже могла расслышать. И ещё – что кто-то её теребит, а сквозь тонкий звон слышится смазанный голос.

– ...охо? Вам плохо, девушка?! У Вас приступ, вы астматичка?

– Господи, совсем белая, может, у неё малокровие? Или траванулась чем?

– Девушка, Вы отравились?!

Теперь голосов было два, оба встревоженные и такие, над-

треснутые. Стариковские. Почти сразу вернулось зрение, и Лина обнаружила над собой два сморщенных загорелых лица – одно в зеркальных солнцезащитных очках, другое – в зелёных, противоглаукомных. Прабабка Яся такие после операции на глаза носила, отстранёно вспомнила девушка.

Увидев, что Лина заморгала, зашевелилась, старушки закудахтали наперебой, интересуясь её самочувствием и помогая сесть прямо. Лина же тарасилась на них, как на привидений: цветные. Шапочки у обеих такие выдриглазные, словно они были поклонницами раста-стиля. Спортивные костюмы тоже: у одной клубнично-розовый, у другой салатно-зелёный. Ещё и палки для ходьбы в агрессивную, чёрно-жёлтую полосу. После *Монохрома* такая феерия оттенков вызвала ощущение тошноты.

– Девушка, у Вас, наверное, низкое давление, – авторитетно заявила «клубничная» старушка в зеркальных очках. – Поэтому Вы так побелели. Вы контролируете свой АД?

– Или у Вас диабет, – припечатала «салатовая», строго глядя на Лину из-под зелёных стёкол. – Вам нужно проверить уровень сахара. Вы проходили диспансеризацию? И не ешьте всю эту «американщину», там сплошные канцерогены и ГМО!

– Да, конечно, всенепременно, – невнятно отозвалась Лина, кое-как распрямившись. Бросила взгляд поверх макушек престарелых спортсменок – и если бы могла, побелела ещё сильнее. Три цветные скамейки – небесно-голубая, солнеч-

но-жёлтая и радужная были на месте. На том берегу.

А Лина – снова на *своём*, с подморённой до тёмно-шоколадного скамьей. Но она твёрдо, до рези под глазами и колючего ощущения в желудке помнила: селфи она сделала, сидя на *солнечно-жёлтой* скамейке. Трескотня бабушек, углубившихся в дебри медицинских рекомендаций и критику политического строя, стали просто звуковым фоном. Который, впрочем, и не дал Лине снова безвольно обмякнуть.

– П-простите! – Она сгребла свой рюкзак, поспешно протиснувшись между старушек и чуть не бегом припустила прочь от прудика. В спину ей тут же понеслись возмущённые выкрики «спасительниц», сетование на распустившуюся молодёжь и падение нравов. Предположение, что она наркоманка – «Глаза-то видела, какие?! Белые и зрачки в точку!» – девушка уже не услышала. Лина не помнила, как слетела по длинной лестнице и чудом не запнулась на одной из просевших ступеней. Едва отметила хохочущих школьников, те пробирались вверх, к колесу обозрения и заполнили всю лестницу. Она фактически протаранила их, не слыша потом ни ругани, ни свиста себе в след.

И уж тем более, проскакивая вертящиеся двери, Лина не замедлилась, чтобы хоть немного отдышаться, и заметить растерянного дядьку, топчущегося возле охранника. Первый что-то пытался объяснить второму, размахивая руками. Карманы спортивного костюма мужчины были нелепо вывернуты, на голове, съехав на левое ухо, красовался собачий ошей-

ник. Спортсмен почти не замечал этого, показывая вывернутые карманы и пустой кейс от беспроводных наушников. Охранник лишь растерянно качал головой и вертел в руках рацию.

Неподалёку крутился встрёпанный спаниель, с хвостом, неестественно смотрящим влево. Пса это не смущало, со стороны казалось, что он всецело поглощён облаиванием уток в большом парковом пруду. Даже редкие окрики хозяина игнорировал. А если бы бегун перестал накручивать себя и охранника («Меня обокрали! прямо на бегу! Куда охрана смотрит?!»), он бы заметил, что морда пса смотрит не в сторону уток. А на беговую дорожку, в дальней части делающей поворот и скрывающейся в густой тени кустарника. Откуда они совсем недавно даже не выбежали – а словно вывалились.

Ясно соображать Лина начала уже только на подходах к общаге. В чувства её привёл резкий, ударивший по ушам вой клаксона, когда она, почти не отражая окружающего, ринулась через проезжую часть. На этой затёртой в глухой части квартала улочке никогда не было оживлённого движения. Поэтому Лина шла на автопилоте, не глядя по сторонам. Не до того ей было.

– Смотри куда прёшь! – крикнул небритый водитель через приопущенное стекло. Бампер невероятно грязной «киа» едва не упирался в девушку. Лине смутно припомнила, что

водитель – сосед по общежитию. А тот, щуплый мужичонка с налитыми глазами, продолжал орать: – Вот ведь стыдобище какое, обдолбалась или напилась, и ничего не видит! Тьфу!

Лина переминалась на бордюре, не решаясь шагнуть вперёд, обойти уже капот машины и юркнуть в открытую, подпёртую булыжником дверь подъезда. Водитель «киа» всё не унимался. Видимо, самому перепало от кого-то, вот и «отводил выхлоп», как сказала бы Лейка.

Лина вдруг ощутила внутри что-то странное, тянущее внутренности. Почудилось, что на периферии зрения стали выцветать краски, а в ушах зашелестело: *«Щё-оолкни гада...»*. Она, не замечая, что не моргает, смотрела на уже в голос матерящегося мужчину. Ей стало казаться, что он *замедляется*: едва открывается и закрывается перекошенный рот, повисают в воздухе брызги слюны. И в глубине салона за его спиной – всё гуще и плотнее становится тень, а цвет машины, едва видный под слоем грязи, становится совсем безликим – серым.

«Щё-оолкни-ии гада-аа...»

Откуда в руке взялся телефон, Лина не поняла. Но вот уже парой быстрых жестов по дисплею включает камеру.

– Чё задумала, мразь?! – окончательно взорвался мужик, рванул, отстёгивая, ремень безопасности, чуть не пинком распахнул дверцу. – Я тя, лярва бледная, сейчас!..

«Стой!!!» – хотела крикнуть девушка, даже не особо давая отчёт кому: распалённому водиле или себе?!

На дисплее чёрно-белый двойник злого на весь свет – и на неё в особенности – соседа вывалился из салона, зацепился ногой за бортик, что и притормозило его рывок в сторону Лины.

«Я же не выставляла монохром!» – всё так же про себя закричала девушка, сама отскочив назад, чтобы поймать в кадр мужчину целиком.

– С-сучка!!! – побагровев лицом и выхватив что-то из-под сиденья, заорал тот и шагнул к ней.

Вспышка!

На какое-то мгновение в глазах у Лины побелело, как если бы она глянула прямо на солнце или на самую настоящую фотовспышку.

«Только не опять!» – мысленно запаниковала девушка, моментально вспомнив, где совсем недавно испытала такое же световое ослепление. Дёрнулась всем телом, ткнулась пяткой во что-то твёрдое, чуть не потеряв равновесие. И – всё проявилось перед глазами: обшарпанная стена общежития, изрисованная пёстрым граффити в несколько слоёв; приоткрытая дверь подъезда, в которой кто-то замаячил; помятая синяя урна у ступеней; грязная, невнятного цвета машина, перегоревшая узкую улочку. Передняя дверь нараспашку, открывая такой же неопрятный салон, замурзанную до дыр накидку на сиденье – когда-то жёлтую. И ни следа дооравшегося до пунцового лица мужика. Ни на земле возле «киа», ни за машиной – нигде.

Лина завертела головой. Может, он сбоку где-то подкрадывается или вообще у неё за спиной?! За спиной оказался щит с объявлениями. Это в его основание пяткой и воткнулась девушка. Она торопливо отшагнула, на ходу немного наклонившись, заглядывая под нижний край фанерного прямоугольника. Ничьи ноги там не топтались, карауля временно ослепшую девушку.

Из подъезда, побряхтывая, волоча за собой выдавшую виды сумку на колёсиках, выбралась толстая женщина. Эту Лина точно помнила – соседка из квартиры напротив. Тучная, в каких-то по-цыгански блестящих кофтах и юбках, она лишь раз уделила Лине внимание, когда та только въезжала в прабабкину комнату. Высунулась тогда в коридор, почти разом перегородив его от стены до стены, молча глядела, как Линин отец заносит сумки через порог. Цыкнула зубом и скрылась за своей дверью. Когда она ходила у себя по квартире, её переваливающуюся тяжёлую поступь Лина ощущала через половицы и всегда невольно сжималась в комок. Ей всё казалось, что это монументальная женщина однажды вкатится к ней, снеся входную дверь, и будет потом стоять посреди крохотной комнаты. Заполнять собой и цыкать зубом.

Сейчас соседка была всецело поглощена своей сумкой, двигаясь боком и не особо глядя вперёд. Поэтому встретив на своём пути препятствие – капот бесхозной «киа», – очень удивилась. Развернулась всем телом, изучила то, что стало причиной остановки. Лина спряталась за тот самый щит, вы-

глядывая из-за края, уже сама не понимая, от кого скрывается.

А женщина вдруг хлопнула пухлой ладонью по капоту да как заорала высоким голосом:

– Дышло, едрить тебя в кадрить, сукин ты хрен! Опять свою развалюху под окнами поставил?! А ну, убрал быстро, а то я тебе щас все стёкла повыбиваю! Дышло, ты меня слышишь, хренов ты сучий хвост?!

Лицо у женщины в этот момент было почти одухотворённым: она явно наслаждалась, почти экстатировала от возможности поскандалить. Поэтому она даже не заметила метнувшуюся за её спиной, пригибающуюся чуть не к самому асфальту Лину, спешившую нырнуть в подъезд. Чуть не бегом пересекая длинный сумрачный коридор, девушка с обмирающим сердцем слушала, как за некоторыми дверями завозились, а кто-то уже и отпирал входные замки. Обитателям общаги явно было интересно посмотреть на бесплатное шоу прямо перед подъездом.

Лина трясущейся левой рукой нашла ключи, с третьей попытки попала в скважину, открыла замок и юркнула в свою комнату. Успела до того, как в коридор, переговариваясь, вышли соседи. Она прижалась спиной к двери, обитой красным дерматином, чувствовала лопатками все впадины на нём и выдранный лоскут поролона. Слушала приглушённые створом голоса, смех и отдалённо – визгливый голос толстой соседки. Все эти звуки отдавались прямо в тело, словно ми-

нуя уши, падали куда-то внутрь – заглушая тот шелестящий голос, что заставил её...

Лина вздрогнула, только сейчас осознав, что до боли стискивает пальцы правой руки на чём-то твёрдом.

– Нет-нет-нет-нет... – на одном дыхании прошептала она, опуская взгляд на руку – и почти сразу отведя от черно-белого изображения на экране телефона.

Болезненное мучительное любопытство тянуло её посмотреть на снимок. Тот, на котором на неё мчался разозлённый сосед-водитель, замахиваясь каким-то предметом. Последний снимок в череде сегодняшних.

Предметом оказался не лом и не бита – пустая пластиковая бутылка из-под минералки. Лина поняла, что уже рассматривает чёрно-белое изображение, хотя и держит руку максимально вытянутой. Фотография выглядела не грозной и не страшной, даже не смотря на перекошенное лицо мужчины. Лина бы могла и посмеяться, настолько дурацким вышло изображение. Если бы не видела уголок салона за спиной водителя. Тьма, благодаря монохромному, там была совершенно бездонная – и *смотрящая*.

И ещё – хотя это было невозможно, ведь это фото, а не видео! – но Лина видела, что выражение лица водителя медленно меняется. Как при проявке на фотобумаге, проступает новое выражение: недоумения и растерянности. И глаза – выкаченные, как белые шарики для пинг-понга с черными кружками зрачков – начинают так же медленно смещаться.

Словно пытаясь что-то рассмотреть в стороне.

– Не может быть... нет... – Лина осела прямо на пол, на старенький коврик для ног, но сейчас её это совсем не волновало.

Вцепившись в телефон двумя руками – те дрожали – она открыла фотогалерею. Охнула, закусила губу чуть не до крови, но отбросить проклятый гаджет не смогла. Сидела, прижавшись спиной к двери, за которой приглушённо гудело и бурлило, всхохатывало и перекликалось человеческими голосами. И смотрела, смотрела, смотрела – как сосед-матерщинник застыл в позе недоумения возле скамейки на берегу прудика. Здесь движение тоже было едва заметным, но всё же Лина застала перемену: мужчина что-то увидел там, за кадром и начала пятиться.

Вспышка!

А вот он, разом проскочив две следующие фотографии, на лестнице из грубых камней, застыл в бегущей позе, спиной к зрителям. Оглядывается через плечо: виден только один выкаченный до предела, полный ужаса глаз.

– Стой... – жалобно взмолилась Лина еле слышно, но –

Вспышка!

Мужчина запутался в ветвях, весь нелепо раскоряченный, а позади – абстрактные белые скульптуры, воздевающие вверх дурацкие отростки. И они – слишком, неестественно белые на фоне кустов и деревьев. Просветы между ветками и стволами насыщены чернотой, какой Лина не пом-

нила в момент съёмки: там всё было светлым и –

Вспышка!

Мужик снова проскочил разом два кадра – та же лестница снизу и сорочье перо на траве – и оказался на выложенной фигурной плиткой дорожке, словно уходящей в небо. Наложение движений – словно калька для съёмки мультика просвечивает: человек уже всё более заметно глазу меняет позу, разворачиваясь к этой манящей высоте. Убегая от чего-то, что скрыто за кадром.

– Стой... – чувствуя, как по лицу катятся бессильные слёзы, прошептала Лина. – Сделай шаг назад!..

Вспышка...

Пленник *Монохрома* оказался рядом с размытыми, – и как сквозь слёзы всё же сумела отметить Лина – жутковато изменившимися фигурам бегуна и его собаки. Только теперь они слились в совершенно жуткого призрака, и бедолажный сосед шарахается от них, вскинув руки к лицу. Дальше рваные его действия – по кадру, без плавных переходов: вот он был рядом с «привидением», вот – уже дальше, у фонаря с причудливым плафоном. Его силуэт уменьшается с каждой секундой, вот он внизу дорожки, где за поворотом уже ничего не видно, и тени там сливаются в одну непроглядную стену. Фигурка человека на таком расстоянии выглядит уже не чётко.

Но Лина *знает*: он наконец-то заметил эту тьму, *шагнувшую* ему на встречу. Снова вскидывает руки в нелепом же-

сте: одну к глазам, другую почему-то к макушке. Кричит – девушка снова, как вживую, видит перекошенный рот, обрамлённый неопрятной щетиной. И выпученные глаза между пальцев руки, закрывающей лицо. Провал рта – чёрный-пречёрный, из него – течёт *тьма*, на подбородок, на грудь, под ноги, разливаясь по стыкам плиток, словно обводит их жирным маркером.

Лина не видит этого на дисплее телефона, но *знает*, что так и происходит. У неё нет сил, чтобы мазнуть пальцем по сенсорной кнопке и закрыть фотогалерею. Поэтому успевает заметить, что пленник *Монохрома* – немислимым усилием отшатывается, делает шаг назад и –

Тьма.

Зеркальная тьма экрана смартфона, без единой светлой чёрточки или пятнышка. Кромешная чернота со способностью отражать. Ошарашено и одновременно судорожно всхлипнув, Лина смотрела на своё отражение. То было более тусклым и неясным, чем если бы она смотрелась в обычное зеркало. Или – через селфи-камеру. Да, последним фото должно было быть её селфи...

– Что?.. Разрядился? – пробормотала она, и это предположение принесло ей какое-то стыдное облегчение, необедительную надежду, что весь этот чёрно-белый кошмар – просто ей привиделся. Что она сбежала от соседа-хама, заперлась у себя, уревелась и не заметила, как задремала, и...

Она провела пальцем по экрану – справа налево, «ли-

стая» – и чернота распахнулась таким, что Лина не выдержала: завизжала. Большую часть кадра занимал фрагмент лица – небритого, вытянутого в крике, с закатившимся глазом. Белок был чёрный, зрачок – белый, и всё тем же тягучим, почти незаметным движением продолжал проваливаться в глазницу, пока не осталась одна чернота. А из-за обострившейся небритой скулы – на девушку *смотрела* ещё одна тьма, не имеющая никаких портретных черт. Словно тень отслоилась от жертвы *Монохрома*. И когда закатился глаз человека, у тебя прорезался свой – с белым зрачком, глядящим прямо на Лину.

...Лина не пошла на занятия ни на следующий день, ни через два. Если ей и пытались позвонить родители или с подготовительных курсов, то всё, что они слышали в трубке, это вежливый голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны...»

Все эти дни аппарат абонента покоился где-то на помойке. Никакой звонок он принять не мог, измолоченный в крошево увесистым чугунным утюжком, что хранился под прабабкиной кроватью. Лина, задыхаясь от рыданий, упрямо молотила по смартфону прабабкиным раритетом. Она даже не думала, что кто-то из соседей явится на тяжёлые, глухие стуки или её невнятные всхлипывающие вскрики. И не такое порой раздавалось из других квартир. К тому же снаружи набрал обороты скандал между толстой соседкой и женой про-

павшего Дышло, так что чуть не вся общага высыпала на улицу.

Превратив телефон в крошево, Лина разыскала в крошеве симку и карту памяти. Сумела обе раскарябать ножницами, а потом забилась под стол и просидела там до самых сумерек. За это время к месту соседских разборок вызвали наряд полиции и эвакуатор. Но этого Лина, конечно, не знала, хотя по коридору то и дело из квартиры в квартиру перебегали сплетники обоих полов. К вечеру, когда с работы вернулись прочие жильцы, общага стала неожиданно оживлённой: все обсуждали таинственное исчезновение склочного водителя и на все лады строили версии, уж не его ли жена к тому причастна.

Девушка и об этом была не в курсе, никто не стукнул в её двери, чтобы приобщить к миру здешних горячих новостей. Для это она ещё не стала в общаге «своей». В тот вечер для Лины вся эта суэта сделалась невысказанно далёкой. Или она сама – стала слишком чуждой. *Ненашеенской...*

Она сидела, обхватив колени руками, так и не включив верхний свет, не сводя глаз с всё более невнятного пятна на полу. Лишь только в девятом часу, когда от соседей сверху донеслись первые аккорды заставки «Спокойной ночи, малыши», она встрепенулась. На ощупь нашла совок и веник, смела то, что недавно было телефоном. Упихала крошево вместе с совком в пакет-майку. Подумав, не стала добавлять туда раритетный утюжок. Вздрагивая от каждого звука и го-

лосов из-за дверей, она торопливо выбежала на улицу. Ходить на помойку и днём-то было страшновато, та находилась в тупике позади общежития, огороженная бетонной стеной, и напоминала фрагмент лабиринта.

Но у Лины перед глазами так и стояла *последняя* фотография на телефоне. Поэтому её не напугали ни четырёхногие тени возле мусорных баков, ни какое-то неразборчивое бормотание в глубине бетонного кармана. Как вернулась в комнату, она не помнила. Тут же включила весь свет, поскольку темнота казалась слишком плотной и *смотрящей*.

Совсем недавно обстановка прабабкиной комнаты раздражала: выцветшие со временем фотообои с огромными цветами, узорчатый ковёр на стене – красный и изумрудный на нём смотрелись почти ядовито. На полу вытертый палас, тоже с цветами: жёлтые нарциссы по коричневому фону. И повсюду – вязаные салфетки из какой-то дешёвой, яркой пряжи.

Лина всё мечтала, что однажды выкинет это старьё и пестроту, обставит всё в лаконичном японском стиле, и чтобы мебель была такой – трансформирующейся. Сейчас она воспалёнными лихорадочными глазами рассматривала каждое яркое пятно. Выставила на кухонную мойку всю посуду – бело-оранжевые чашки, такой же расцветки миски, неожиданно синюю кастрюлю. Электрочайник с принтом под гжель, его Лина поворачивала так и эдак, разглядывая голубые узоры. С ним в обнимку и заснула, забившись в прабабкино

кресло, укрывшись лоскутным вязаным покрывалом. Наде-
ялась, что сон, как и раньше, принесёт целебное забвение,
но...

Вспышка.

...она стоит возле песочницы – той самой из детства. На куче песка забытые ведёрко и совочек, неожиданно, до рези в глазах, яркие: ведёрко зелёное, совок – оранжевый. Песок под ними жёлтый, с вкраплениями суглинка. Но ближе к основанию кучи начинает бледнеть, пока не выцветает в почти белый. Лина дышит, и дыхание – единственный слышимый звук, почти оглушает. Ни рядом с песочницей, ни на лазалках вокруг – ни души. Лина, чувствуя, как внутри, в животе, всё леденеет и готово ухнуть куда-то вниз – поворачивается...

Но скамейка пустая, никто на ней не сидит в «генеральской позе». Часть реек сохраняет цвет – бледно-зелёный с нарисованными ромашками. Там, где Монохром плавно поглотил цвета – ромашки почти невидимы. Тень внизу от скамейки чернильно-чёрная, зияющая.

Лина дёргается в сторону, ловит боковым зрением ещё одно цветоевое пятно: полусдутый мяч, заляпаный местами грязью. Бирюзово-жёлтые полосы на боках мяча тоже вынуждают моргать и щуриться, такие яркие. А вот акация – словно ином покрыва или пеплом, почти серебряная, только без блеска. Тень, в которой лежит мяч, такая же как, и под скамейкой: непроглядный провал. На его фоне до

болезненного чётко видны белёдые «перья» листьев акации.

Лина нутром чувствует: сделает ещё пол-оборота назад и окажется на крыльце с кошкой, потом в подъезде, потом – в квартире бабушки, один за другим перебирая те стародавние кадры...

«Но плёнку выбросили! – вспоминает она, замерев и двигая только глазами. – Не проявили больше ни одной фотографии! Даже те две – пропали...»

Звук – невозможный в мире Монохрома, в котором нет никаких звуков – заставляет Лину почти понять, что она спит: тихонько скрипнули качели. Это даже неполноценный скрип, а самое его начало, потому что здесь – ничего не движется. Кроме тех, кто вошёл в Монохром извне.

Лина медленно поворачивает голову, цепляя взглядом: мяч под кустом, скамейка, песочница. Чтобы увидеть качели, надо развернуться всем телом. Дыхание девушки, ровное, режущее слух, заполняет пространство, причиняет почти физическую боль ушам.

«Не оборачивайся!» – умоляет себя Лина, но тело во сне действует против её воли. И сначала, самым краем бокового зрения, она видит: стойка качелей с пятнами облупившейся краски. В чёрно-белом они выглядят неожиданно неприятно, как зажившие язвы. Ещё четверть поворота – и она вот-вот увидит, что на качелях кто-то сидит.

«Не смотри!» – беззвучно кричит себе Лина, а тело продолжает поворачиваться, как деревянный столб вокруг сво-

ей оси: руки прилипли к бокам, ноги – срослись в коленях.

Зародыши скрипа длится всё это время, набирая громкость, неуловимо и невыносимо медленно. Тот, кто сидит на сиденье без спинки, толкается пятками в землю, пытается раскачаться. Монохром не любит быстрых движений, поэтому обычное действие здесь – требует невероятных усилий.

Лина видит сидящего – спиной к ней – почти целиком: тень, принявшая очертания человеческой фигуры. И тем не менее девушка знает, что смотрит сидящему в спину. И на фоне пустой площадки для игры в мяч светлой до почти белого, где ещё дальше терялись и таяли в белой пустоте очертания забора и веранд белого сада – эта тень смотрится так же ослепительно, как и солнце в ясном небе. Ни рефлексов, ни отдельных полутонов, отрывавших бы руки от тела, черты лица – от головы. Провал во тьму, в самое сердце Монохрома.

В ушах начинает звучать пульс, нарастая и заглушая звук дыхания Лины. В эти же мгновения тень на качелях – начинает оглядываться через левое плечо. Лина силится отвернуться, заставить себя сделать хоть полрывка в оборот – против хода кадров на плёнке. И ей кажется, что ступни начинают проскальзывать по песку. Ещё чуть-чуть...

Пульс в ушах Лины грохочет так, что уже сотрясает всё её напряжённое тело и даже чудится: всё окружающее

пространство.

Сидящий на качелях силуэт преодолевает сопротивление Монохрома – и смотрит на Лину через плечо.

У тени нет лица, нет черт, за которые бы можно было бы зацепиться. Тем чудовищнее выглядит белый глаз, выкатившийся из глубины тени и уставившийся на Лину проколом зрачка.

Такой же белый глаз, как у неё самой.

«Здравствуй, Линулечка...»

...этот голос... шёпот-эхо из чёрно-белого двойника парка... подтолкнувший её сделать страшный снимок...

«Давно не виделась ...»

...голос, который девушка всегда помнила – и сейчас жалеет забыть! Потому что этого не может быть! Потому что!..

Лина задыхается, не в силах закричать, хотя крик невыносимо распирает грудь и горло. Пульс грозит разорвать тело в клочья. Надсаживаясь всей собой, девушка совершает крохотный поворот: к песочнице, мячу под акацией, обратно – прочь-прочь от этого пронзительного взгляда! И ей снова чудится: кости крошатся и рвутся невидимые нити. Ещё чуть-чуть!..

Вспышка!

Пульс перешёл в громовой раскат, взорвал на осколки всё пространство! В их водопаде Лина рушится и...

Звук падения Лины с кресла слился с настойчивым стуком во входную дверь. И это уже была не условно вежливая барабанная дробь, звонок не работал давным-давно, да и кому нужен дверной звонок при такой-то слышимости?! Было очевидно, что дверь вот-вот начнут пинать ногами, а то и все снесут с петель.

Девушка лежала на полу, запутавшись в покрывале, с больно врезающимся в грудь носиком чайника. Хорошо, не на него рухнула, могла бы и рёбра сломать. Об этом Лина думала отстранённо, ещё не до конца осознав, что проснулась. В глаза бил свет: из-под потолка, добирался со стороны торшера в углу и из окна. Хотелось одновременно зажмуриться – и не отрываясь смотреть, хотя по щекам бежали слёзы. Всплыла и не задержалась мысль: сколько же она проспала? Лина понимала, что надо встать, лежать было в корне неудобно: ноги оказались задраны на подлокотник кресла. Да и чайник, притянутый к телу покрывалом, ощутимо мешал дышать.

И этот грохот в дверь, от которого Лине казалось, половицы ходят ходуном и толкают её в спину.

– Что... – попыталась просипеть она и закашлялась, надсадно, неожиданно громко: горло было совершенно пересохшим. Кашляла она, видимо, настолько громко, что дверь перестали высаживать, видимо, прислушиваясь. Два голоса в коридоре невнятно побубнили, один явно огрызнулся, ещё раз.

Лина пыталась выбраться из кокона покрывала, но тело слушалось из рук вон плохо, всё затекло и теперь мстительно кололось миллионами острых иголок в руки, ноги и шею. Зад и спину девушка, не смотря на падение, вообще почти не ощущала, и это её уже пугало: уж не паралич ли?! Вдруг она так долбанулась, что с позвоночником что-то случилось?!

Пока она дёргалась на полу, то и дело сотрясаясь от очередного приступа сухого кашля, спор по ту сторону двери прекратился. В дверь разово, но весомо бухнули – ногой, судя по всему. А потом раздался хоть и приглушённый, но внятный возглас:

– Линка, поганка ты бледная! А ну открывай, а то я за себя не ручаюсь! Снесу тут всё нафиг, ты меня знаешь! Мерилин туда-сюда тебя Монро-Останкина! Открывай, в пупупиду тебя!

– Л... Лейка?! – выдавила в полном изумлении Лина и снова зашлась в кашле.

Первым, что сделала Лейла, когда дверь злополучной квартирки распахнулась и на неё и сопящую за спиной соседку чуть не снизу глянули почти белые глаза, хотя и с покрасневшими белками и веками; так вот, обалдев на пару секунд от такой «красоты неписаной», Лейла огрела привидение одной из боксёрских перчаток. Несильно и по касательной, но явно неменяемой Мерилин этого хватило: она и так еле вертикально стояла, почему-то обнявшись с расписан-

ным под гжель электрочайником. А после такого «нокаута» и вовсе осела на пол. Соседка-толстуха за спиной Лейлы заохала, что-то загудела.

– Не бздите, тётя Боня, ничего я её не убила! – через плечо огрызнулась восходящая звезда по женскому боксу, перебрасывая связанные за шнурки перчатки за спину. – Давайте-ка лучше чайник согрейте, будем эту немочь бледную в чувства приводить. – И уже обращаясь к так и сидящей на полу, хлопавшей белыми ресницами подруге: – Слышь ты, звезда полей и закопай, ты чё тут удумала, а?! Чем два дня была занята, а?! Где твой трёпанный телефон, я тебя спрашиваю?! Я тут пригоняю, значит, в альма, так её матер! Чтобы, значит, повидаться и обрадовать! Трясу всех твоих родственничков, куда лямурру мою выцветшую дели?! А они как нерусские совсем! – Каждая реплика Лейлы походила на удар: короткий, хорошо поставленный. Лина на каждую тихонько вздыхала и вздрагивала. Соседка, кстати, тоже. А Лейла продолжала наседать: – Вот так же zenки пучат, бумажку мне с коряво написанным номером суют – и дверь перед моим носом захлопывают! У вас там что?! Развод и девичья фамилия, и кактус поперёк квартиры?! Тебя там совсем от святых тапок твоей прабабки отлучили?! Царствие и всяческих ангелов в помощь покойнице! И почему на телефон не отвечала, а?! Он у тебя там треснуть должен был, столько я тебе наяривала! Да говори уже, хватит упыря изображать!

– Лей... ка... – еле слышно прошептала в ответ Лина.

Качнулась к ней, потом, изменившись в лице так, словно и призрак увидела, попыталась отползти. Запуталась в нелепом, типично бабушатниковом вязанном покрывале и чуть не грохнулась на спину.

– Чё удумала?! – гаркнула Лейла, подскочив к ней и поднимая на ноги. – Ты что, того этого?! Напилась тут с горя?! – И свирепо оглядела комнату в поисках бутылок или иных улик.

– Н...настоящая?! – сирым голосом спросила Лина и вдруг разревелась. Без слёз, всхлипывая всухую и опять пытаясь осесть на пол. – Барма-аале-еейка-ааа!

– Вот же ж! – крикнула юная звезда бокса и волоком поволокла истерящую подругу в распахнутые двери соседской квартиры.

Бонифация Степановна, с которой бойкая Лейла успела и поругаться, и подружиться, и вообще обаять до самой глубины сердца, уже вскипятила чайник и хлопотала возле круглого кухонного стола, выставила красивые тёмно-синие с золотыми ручками чашки, вазочки с вареньем и конфетами, сахарницу с колотым сахаром. Обеих девушек она усадила рядышком на пухлый короткий диванчик и молча потчевала чаем, пока Лина успокаивалась. Этой в чай ещё и корвалола накапали, так что на кухоньке царил причудливый аромат аптеки и кондитерской.

От тёти Бони Лейла и узнала хоть какие-то детали переезда Лины в общежитие, а так же то, что с момента того самого

переезда никто из членов семьи Останкиных тут ни разу не появлялся.

– Как отреклись, и всё, – неожиданно высоким для своей комплекции голосом подытожила Бонифация Степановна, шумно прихлёбывая чай из блюдечка. – Как Ясмина, светлая ей память, Тагировна преставилась, да тётеху эту перевезли, так и не появлялись. Ненашенская, так про неё Тагировна всегда баяла.

– Что, часто баяла? – прищурившись, поинтересовалась Лейла, оставив попытки отобрать у притихшей Лины электрочайник. Хорошо, хоть дурацкое покрывало с собой не потащила!

– Дак почитай, чуть ли не каждый раз, как на посиделки ко мне захаживала, – усмехнулась соседка и цыкнула золотым зубом. Снова отхлебнула из блюдечка, держа его на кончиках пальцев. Закусила куском сахара и продолжила: – Я до той поры деваху эту и в глаза не видала, а Тагировна так её живописала, что сразу признала. Она-то, Ясмина, пухом ей земля, прахом все обиды, и уговорила меня, если что, за «ненашкой» приглядеть.

– Да ладно?! – искренне удивилась Лейла, отодвинув пустую чашку. – Она ж на дух Линку не переносила, с чего вдруг? Перед смертушкой душу захотела облегчить?

Бонифация Степановна захохотала, словно сова заухала. Ей явно был по нраву характер бойкой на язык девицы, которая бы больше подошла на роль правнучки покойной Ясми-

ны. Потом женщина закряхтела, завозилась на заскрипевшем под её статями табурете. Задумалась ненадолго о чём-то. Наконец, слегка подалась в сторону обеих девушек и, понизив голос, сказала:

– Не знаю, что там у Тагириной в последние недели с головой случилось. Только вот вдруг и стала меня просить за «ненашкой», если переедет, присматривать. Несла Ясмينا иногда сущий бред, ей же ей! Про чёрную бабайку какую-то и дурное наследие, которое, мол, правнучке перекинулось. Про глаза белые и стену чёрную. Про фотографии какие-то. И де бабайка эта сожрёт наследницу, и всех делов. Сожрёт, чтоб самой дальше жить. И чтоб другие жили. А она, Ясмينا, значит, старая калоша, мол, всё проволынила, время упустила. И вот совесть де печень выела, не успеет от бабайки «ненашку» оборонить, а нельзя же так. «Ненашка» же живая. – Тётя Боня задумчиво посмотрела на Лину. Вздохнула и завершила, пожимая плечами: – Маразм шарахнул бабулечку, что уж тут скажешь. Годков-то ей под сотню уже было. А может, и вправду, стыд какой пробрал, перед нелюбимой правнучкой да в голове всё смешалось. Перед смертушкой все грехи, как у Боженьки на ладошке видны. – С этими словами Бонифация Степановна начала так неистово креститься, что чуть не сшибла заварочник.

– Так, всё с этим семейством ясненько, – успев спасти заварочник от крушения, вздохнула Лейла, хотя вот яснее не стало. – Что у них с Линкой общее, так это поехавшая кры-

ша. Понять бы, с этой-то чего приключилось.

– Так сосед наш, алкаш Дышло на днях её испужал, – как ни в чём не бывало вернулась к разговору соседка. – Как раз позавчера случилось. Скверный мужичишка был, трус тот ещё, чуть что – на тех, кто его слабее сразу ором. А она что, новенькая она, зашуганная всё время. Я пока там из квартиры выкатилась, чтоб его приструнить, он и сам куда-то нишкнул, и деваха эта в квартире заперлась. Тяжко ей, как вижу. Ни родители не поддержат, ни на курсах её этих друзей нема. Вот видимо и того, депресснуло её. – Сказав это с видом главврача какого-нибудь душеспасительного заведения, тётя Боня сделала особо шумный и длинный глоток.

Лейла задумчиво наблюдала за ней, поскольку эта женщина всё делала очень любо-дорого посмотреть. Линка привалилась к подруге и молчала, глядя только на расставленные на столе чашки и вазочки. От неё исходил какой-то нефизический, но очень неприятный холодок. Хотя Лейла тут же пощупала лоб и руки подруги: тёплые они были, ничуть не зазябшие.

– Вот что, тётя Боня, спасибочки за всё, за чай, за новости. – Лейла решительно встала, потянув за собой снулую Лину из-за стола. – Сделаем так. Я надолго в город вернулась, может, и навсегда. Как там ещё у отца сложится с новым набором. Может, и отстанет уже от меня со своими чемпионскими амбициями. Даст по-человечески пожить и образование нормальное получить. Козу эту я к себе заберу,

квартира у меня двухкомнатная, в более приличном районе, чем этот клоповник. Без обид.

Бонифация Степановна только зубом цыкнула и ухмыльнулась, мол, сама в курсе, что клоповник, зато родной. А Лейла, почти взвалив на себя тихую Линку, продолжила:

– Я её сейчас по минимуму соберу, да что там и собирать-то?! И на такси к себе. А ключ от этой квартиры – Вам, лады? И вот, номер мой ещё запишите, есть у Вас телефон-то?

– Чай, не в средневековье живём, – степенно кивнула тётя Боня, извлекая из кармана толстой кофты смартфон чуть не последней модели. Лейла оценила гаджет, кхекнула немного смущённо, и через минуту в списке контактов у неё добавился новый абонент.

Бонифация Степановна вызвалась поддержать Линку, пока Лейла бодрым ураганом пронеслась по комнатухе, пакуя в сумки и пакеты многочисленные вещи подружки. По счастью, больше никого из соседей по квартирам не было, все на работе или учёбе. И никто любопытный не дышал в спину и не донимал расспросами, когда они втроём – девица в ярко-красном спортивном костюме, с парой боксёрских перчаток на шее, грузённая ворохом вещей, и необъятная тётя Боня, под ручку ведущая беловолосую бледную девушку, – вышли из общаги. Повод для сплетен ещё будет, но позже, когда Бонифация Степановна придумает допустимую версию, которую бы и покойная Ясмينا Тагировна одобрила.

Соседка помогла усадить Лину в салон подкатившего ярко-жёлтого такси, тепло распрощалась с Лейлой и даже обняла. С этой бодрой девахой становилось светлее, и тётя Боня на полном серьёзе приглашала её наведываться на чай и баранки. И ещё долго стояла и смотрела в давно опустевший проезд между домами, почему-то зная: одну из девушек она уже точно не увидит. И от этого в большом сердце женщины разрасталась ещё одна чёрная дыра.

Квартира, которую на свои, выбитые на соревнованиях чемпионские деньги, купила Лейла, была едва обставлена: холодильник на кухне, мультиварка, стол, пара стульев. В одной из комнат в кучу свалены одежда и всякая полезная в хозяйстве утварь. Во второй – ещё один стол с ноутбуком, да раскладной матрас-футон вместо кровати. Ещё в ванной кое-что завезено, даже стиральная машина стояла, ожидая подключения. Под потолком в основной комнате сиротила трёхрожковая люстра без плафонов (расколоченных совершенно случайно, никто ведь не видел, как под потолок были кинуты боксёрские перчатки!). Такое освещение вместе со светлыми обоями (принт неяркий, будто акварелью нарисован) – всё создавало ощущение какой-то гулкой пустоты и зябкости.

Лейла осознала это, когда с шумом, не разуваясь, ввалилась в комнату, усадила Линку на стул и обнаружила, что та чуть не сливается с обоями. Что-то в этом было непри-

ятное, как в американских ужастиках про зловредных призраков и прочий агрессивный астрал. Поэтому, отложив «избу-исповедальню» на потом, Лейла устроила минимальное обживание хотя бы этой комнаты. Вылилось это в развешивание штор с кричащим тропическим рисунком и расстиланием восхитительно-голубого паласа. Лейла плевать хотела на дизайнерские каноны, всегда отдавая предпочтение ярким летним цветам и всевозможным блестящим интерьерным штукам.

Ей даже Линку удалось привлечь к делу обставления комнаты, та подавала то зажимы для штор, то коробки, в которых и были понапиханы всякие комнатные мелочи. Всё это время Лейла шумно рассказывала о том, чем была занята полтора года своего отсутствия, как училась в школе олимпийского резерва, выбрав направление бокса. Какие первые травмы получила и какого страха натерпелась на первых соревнованиях, где от неожиданности отметелила такую же сопливую чемпионку и вышла в финал. Как это отмечали в кафе и её качали на руках рослые мужики, коллеги отца, сами тренера и в прошлом все, как один, участники ринга.

За разговорами, мечась по комнате алым вихрем, Лейла успела украсить одну из стен рамками с грамотами и дипломами, медалями и прочими наградами, для которых не требовались полки. Кубки и фигурки на подставках выстроились шеренгой внизу, и Линке была решительно вручена тряпица, чтобы она их протёрла. Так и не открывшая рта бело-

волосая девушка смиренно справилась с этим заданием. И как заметила Лейла, всё время старалась держать взгляд на каком-нибудь цветочном пятне, иногда «подвисая» на минутку-другую.

– Что-то мне тоже скучно на эти стенки смотреть, – в какой-то момент заявила Лейла, сдувая со лба непослушную вьющуюся прядку. – Завтра же купим красок всяких и рисуем всё, как Бог черепаху! Такую художественную галерею замутим, Эрмитаж обрыдается от зависти!

И наконец-то, бледные губы Линки дрогнули в намёке на улыбку, и она посмотрела на школьную подругу прямым взглядом. Хотя, внутренне слегка похолодев, Лейла заметила, как жутковато смотрятся почему-то расширенные зрачки на этом бесцветном лице. И ещё, она поняла, что волосы у Линки теперь седые. Совсем-совсем, хотя уловить разницу было почти невозможно. Но и тогда Лейла решила воздержаться от расспросов, продолжив кипучую деятельность и решая, куда пристроить Линкино барахло. На кухне теперь было два чайника: один в так любимой Лейлой яркой гамме – зелёные, желтые, розовые пятна; второй – из общажной квартиры, расписанный под гжель.

– Много – не мало! – хозяйственно объявила спортсменка, изучая получившуюся композицию. – Что ж, теперь и поесть бы не мешало. Раз живём, два – жуём! – И вздрогнула, услышав тихий смех Лины за спиной, ни разу не похожий на тот, звонкий, фыркающий, каким заливалась её подружка, когда

слышала эту присказку. Этот смех был таким же *обесцвеченным*, как и сама Лина. Лейла уже потерялась в догадках, что же такое пережила Мерилин за время их разлуки. И особенно – за два последних дня.

Обедать пришлось незатейливо, поскольку в морозилке имелась только пачка пельменей, зато большая. К ним прилагалось несколько острых соусов и одинокий банан. Ещё несколько хрустящих хлебцев, обнаруженных в одной из сумок Лины. Оглядев весь этот «дастархан», Лейла решительно выхватила телефон, чтобы заказать продукты на дом. И от тонкого, хлестнувшего по ушам визга, чуть не выронила и не разбила смарт об пол.

– Ты чего орёшь, чего ты?! – перепугано заорала Лейла и умолкла, глядя на отлетевшую от стола, жмущуюся спиной к стене подругу.

– Вспышка!.. Вспышка!.. Монохром!.. – лепетала та, не отводя расширенных, совсем почерневших глаз от рук Лейлы. – Не надо!.. Не ходи!.. Вспышка!.. Всё чёрно-белое, всё!.. Чёрное и смотрит! И смотрит!!! Белым смотрит!

– Едрить же, – тихо побормотала Лейла, ощущая, как по спине ползёт струйка ледяного пота. Потом медленно убрала телефон в карман штанов и, держа руки перед собой, осторожно подошла к Лине. – Эй, аллё, успокойся, это я, слышишь?

– Чёрное... смотрит... белым... Смотрит... – Линка сглядела *сквозь* подругу, выдыхая каждое слово и вздрагивая

всем телом. – Не ходи вперед... Назад! Сделай шаг назад... Пожалуйста...

В аптечке, как назло, было что угодно, кроме успокоительного. Вызывать «скорую» Лейла и не подумала, подруге было плохо, да ей просто хреново было, чем тут обычная «скорая» поможет?! Тогда-то девушка и вспомнила о бутылке коньяка, которую ей перед отъездом вручил тренером. «На всякое там растереть, да?», – подмигивая со значением и старательно изображая акцент, сказал ей Вахтанг Дмитриевич, такой же коренной грузин, как сама Лейла – корейка с её разрезом глаз! И хотя Лейла упиралась от «растирки», та всё-таки оказалась в её рюкзаке.

И вот сейчас, ошарашенная, напуганная, Лейла вспомнила про коньяк, тут же отыскала его под ванной (и когда только успела туда засунуть?!). Дрожащими руками сумела выкрутить пробку (и кто б её потом заставил повторить этот номер без штопора?!), – и, чудом не расплескав, налила чуть не половину кружки. Подсев к Линке, так и пытающейся вращать в стенку, уговаривая и ругая, сумела заставить ту сделать несколько глоточков. И когда та зашлась в кашле, со слезами и соплями, зато к лицу почти сразу прилил румянец, а зрачки стали нормального размера, остатки коньяка Лейла допила сама. Дрянь оказалась сказочная, ещё и клопами подозрительно пахивала! Но Лейла вернулась к столу, взяла бутылку, составила на пол же и миску с пельменями, вручила всхлипывающей Линке вилку. Потом ещё вскипятила чай-

ник, кинула во вторую кружку сразу три чайных пакетика и дополнила «натюрморт». Так и сидели на полу, наворачивая пельмени и время от времени – добавляя по глотку коньяка из одной кружки, а из другой – чай.

Линку быстро развезло, и не только от коньяка, как подозревала Лейла. Белоглазая девушка снова начала реветь и нести какую-то околесицу, свалив в одну кучу и троллей-одноклассников, и накопившиеся обиды на семью, и на неё, Лейку-Бармалейку, уехавшую так внезапно, и какие-то чёрно-белые фотографии, деда Кося и мужика с собакой, и бабусек с палками, и голубя с рыжим глазом. Линку буквально прорвало, Лейла – давала ей выговориться, сохраняя удивительную ясность ума. А вот на тело алкоголь подействовал гораздо ударнее. Поэтому, оставив посуду на полу, подружки вернулись в гостиную почти на четвереньках.

Пока Лейла сражалась с футоном и пыталась его застелить, лежащая прямо на паласе Линка всё продолжала «пороть горячку». Что-то про «проклятие монохрома», белые глаза на чёрном, качели, снова про покойника Кося. Среди прочего Лейла узнала и о судьбе линкиного телефона, во всех смыслах «отутюженного» и выкинутого на помойку. В этом месте, заплетающимся языком, спортсменка велела Линке ложиться на футон, а не валяться, как старый носок без пары. Лина глупо захихикала, но сумела вползти на матрас, даже не попытавшись раздеться. Пока Лейла тщилась стащить с неё хотя бы джинсы, Линка пялилась на голые лам-

почки люстры и бормотала:

– Вот по чёрной стене идёт Чёрный Бабай, глаз не закрывай... Вот по белой стене идёт Белый Бабай, поскорее убегай... Вот по чёрной...

Лейла как-то сразу вспомнила рассказы тёти Бони о бреднях Ясины Тагировны, что-то тоже про бабаек и чёрную стенку. Но коньяк, наконец-то, начал пробирать и её. Лейла заплетающимся языком пригрозила всем бабаям, пообещав размазать любого по стенке, какого бы цвета та ни оказалась. Потом потеснила подругу, оставшись в ярко-красном спортивном костюме. Сил на переодевание у спортсменки внезапно не осталось.

Некоторое время девушки лежали на спине, глядя на голые лампочки. Лина продолжала бормотать, и речь её чуть ли не с каждой минутой становилась всё твёрже, а невнятное лопотание – превращалось в рассказ о проклятии Монохрома. Лейла напротив уже почти отключилась, выхватывая только отдельные фразы и на всякий случай утвердительно мыча. Так что в странный, закрутившийся водоворотом сон, хозяйка квартиры ухнула в сопровождении «чёртова колеса», сорочьего пера, тяжёлого советского фотоаппарата, который зачем-то нужно было ставить на колено; качелей в их старом дворе, сварливой прабабки Яси и никогда невиданного соседа из общаги; каких-то настроек на смартфоне, мостиков, нарисованных маркером, трёх скамеек – и тяжёлого тёмного – *чёрного* – взгляда из-под наглазной повязки на ли-

це бабая Кося...

Лейла спала беспробудно, похрапывая и иногда начиная сквозь сон пинаться. Лина слабо пихалась в ответ, продолжая лежать на спине и смотреть в потолок. Свет голых лампочек слепил и выжимал слёзы, но встать и выключить люстру не было ни сил, ни желания.

Лина давно уже молчала, выговорив весь кошмар прошедших дней, обнаружив для себя, что тот тянется ещё с детских лет. Она не ждала ответа от подруги и даже радовалась, что та вряд ли по утру вспомнит хоть что-то из её слов. А вот от кого ей жгуче хотелось получить ответ, так это от покойной прабабки Яси. Та точно *знала* о таинственной связи «ненашенки» с *Монохромом*. И наверняка знала, *чья* белоглазая тень сидела на качелях, окликая девушку, как в детстве звал только один-единственный человек...

Лина это тоже уже знала, чуяла нутром правду. Но принять – никак не могла. Знание это кромсало её сердце, просачивалось чёрно-белым, вытравленным навсегда образом с последнего снимка на старый фотоаппарат. Знание шептало эхом бесплотного голоса, заставившего заснуть на телефон горемычного соседа. Лина не хотела этого принимать. Но какая-то иная её часть, холодная и беспощадная, собрала воедино, как изорванную фотографию по кусочкам, все эти события и рассказ Бонифации Степановны (Лина всё слышала и запомнила, что бы не думали Лейла, и соседка).

Монохром уже давно пролез в этот мир – через те самые чёрно-белые снимки. Научился проникать в людей – и жить их жизнями, почти неотличимый от них. Но продлевать эти жизни не умел и когда подходил срок физической смерти, вынужден был возвращаться обратно, в свою застывшую реальность. Этой твари почему-то не сиделось в неподвижном чёрно-белом бессмертии, ей обязательно было нужно пробираться в мир людей. И *Монохром* находил и растил себе наследников. Может, сам каким-то образом создавал, делая детей так непохожими на родителей. «Ненашенскими», как, наверное, повторяли все прабабки Яси, впервые глянув на бесцветных, белоглазых детей. Детей, предназначенных *Монохром*у.

И видимо, все эти предшественницы Ясины Тагировны знали жуткий порядок: чтобы убереечь остальную семью, «ненашенских» детей отдавали твари, откупались. Скармливали. И тогда *Монохром* продолжал жить в новом юном теле, высматривая будущих преемников белым глазом, который раз за разом прятал под чёрной наглазной повязкой...

Всё это так ясно вставало в мозгу Лины, таким понятным стройным рядом, словно она просматривала череду качественно сделанных снимков: никаких засветов или затемнений. Всё это было ясно... Только как теперь ей скрыться от чудовища, уже проникшего в её сны – и уже умеющего затаскивать живых людей к себе?

А вдруг – и от этой мысли Лина совсем обмерла – вдруг

тварь дотянется до её близких? До родителей, братьев и сестры? До единственной подруги, что только что беспардонно воткнула ей колено в бедро?!

– Спивже, – внезапно, не открывая глаз, промычала Лейла. – Всехвмажу... спи... вмажувсех...хррр...

Утром, решила Лина, я всё расскажу ей утром, всё-всё. Утром. Главное, чтобы в её, Лины руки, не попадался никакой фотоаппарат, никакая камера.

– Утром... – шёпотом пообещала девушка в потолок, вдруг поплывший – белым по белому, словно кто-то начал размешивать побелку невидимой мешалкой.

В медленных разводах гипсовыми личинами всплывали и тонули лица: прабабка Яся, шамкающая: «Ненашенская» и вдруг, скорбно скривившись лицом, добавляющая: «Живая ведь... нельзя ж её так...»; потом её мать, по привычке отводящая глаза, оба брата и сестра, чьи глаза попросту утонули внутрь лиц; и снова прабабка, глядящая на неё и плачущая белыми слезами, которые, скатываясь к тройному подбородку, начали чернеть, утяжеляться и сочиться вниз чёрными смоляными струйками; а из тех начало вырисовываться ещё одно лицо, узнаваемое, хоть и сложенное из дыр: белых по чёрному; и в одной из дыр начал проступать белый, ещё незрячий глаз и...

...Лина проснулась от бодрого Лейлиного вопля: «Рота подьё-оооом!». Пока беловолосая девушка, вскинувшись и

тут же схватившись за тяжёлую с похмелья голову, ошалело оглядывалась, её подруга, в одних штанах и белой майке-топе, выполняла бодрую разминку. По ней было ничуть незаметно воздействие алкоголя, и в целом Лейла выглядела до безобразия жизнерадостно.

Лина сидела и, ощущая лёгкое подташнивание, смотрела, как Лейла отжимается, приседает, выпрыгивает из упора, скачет козой. Тошнота стала вскоре весьма настойчивой, Лина еле успела метнуться в туалет, а Лейла из-за двери ехидничала о «малохольности некоторых». Не без помощи подруги, Лина добралась до ванной и кое-как приняла душ. Стоя под упруго хлещущими струями, она всё пыталась вспомнить подробности минувшего вечера и как вообще оказалась в квартире у Лейлы. И ещё какая-то мысль глухо и навязчиво, как муха в окошко, билась на окраинах памяти. Что-то Лина должна была рассказать, что-то очень-очень важное...

– Харэ уже плескаться, а то жабры на заднице вырастут! – Лейла беспардонно ворвалась в ванную, ткнула чуть не в лицо беловолосой девушки какой-то цветастой стопкой. – Вылезай и переодевайся. Твои обрядки отправились ф-фтопку! Позорище ведь такое, смотреть стрёмно, а уж носить – вообще испанский стыд! Ты что, два дня под забором ночевала?! Или в бомжатнике каком? Всё в земле и пылище было!

– Я не... – начала было возражать Лина и получила в лицо скомканным пушистым полотенцем.

– Молчать-бояться! – гаркнула Лейла с порога ванной. – Пока я не поем, я не в себе и не в себя! Так что одевайся уже и пойдём питаться! На пельмени смотреть не могу, от слова «буэээ»!

Лине от мысли о пельменях, да и о еде вообще, тоже стало почти «буэээ», но на этот раз всё-таки обошлось. Она выбралась из душа, поджимая пальцы ног на голой плитке, обтёрлась торопливо полотенцем и лишь потом устояла на брошенную на стиральную машинку стопку одежды. Всё – явно из гардероба Лейлы: спортивное, сочное, яркое и на самой Лине явно будет смотреться мешковато. Но зная характер подруги, выпросить обратно свои вещи, пусть и грязные, Лина не надеялась. Скорее всего, и джинсы и ветровка и всё прочее действительно полетело «ффтопку», то есть в мусоропровод.

Поэтому на кухню она явилась, поддёргивая повыше рукава изумрудно-зелёного худи, в отвороте которого была видна цыплячье-жёлтая футболка. На штанах по бледно-розовому буйным цветом цвёл принт из разлапистых листьев монстеры и пальмы. Кое-как оглядев себя и ужаснувшись, Лина воскликнула:

– И на кого я, по-твоему, в этом похожа?! Люди решат, что я китчеманка⁵ какая-нибудь!

– Чтоб ты понимала?! – возмутилась Лейла, сама щеголяя в малиновом костюме с золотыми «леопардовыми» развода-

⁵ От слова «китч» – безвкусица

ми. – Это лейла-стайл, скоро все такое будет носить!

Лина вытаращилась на подругу, потом вспомнила, что у той и в детстве были просто космические амбиции и полное наплевательство на мнение других. И рассмеялась, с облегчением, ощущая, как отступает дурнота похмелья и последних дней. Лейла погрозила ей кулаком, потом тоже расхохоталась. Накинула через плечо сумочку-банан, в которую заранее, чтоб не тревожить подругу, убрала свой телефон, и потащила из квартиры, едва Лина успела всунуть ноги в кроссовки.

Лина пищала, что у неё ещё волосы мокрые, а на улице никак не май месяц. Лейла только похохатывала, не выпуская руку подруги, вела за собой и просто не давала опомниться. Кое-что из вечерних пьяных разговоров спортсменка помнила отчётливо. И самым важным ей казалось – не позволять Лине надолго оставаться со своими мрачными странными переживаниями. В их причине Лейла положила себе разобраться вот прямо после завтрака, когда они будут сытые, окруженные народом и никаких зловещих тёмных углов или стен в поле видимости. Про стену – почему-то особенно резко помнилось. И про белые глаза. Говорить об этом подруге Лейла разумно не собиралась. Как и сразу поднимать вопрос о необходимости покупки нового телефона взамен беспощадно «отутюженного».

К счастью кафе-пекарня оказалось на самом первом этаже жилого комплекса, где находилась квартира Лейлы. По-

этому рисков простыть у Лины не было. Хотя она вдруг снова как-то незаметно сжалась и начала быстро и беспокойно озираться по сторонам. Лейла предпочла написать это на пожизненную привычку подруги сторониться людей и людных мест вообще. Но, сама борясь с мутным, почти неуловимым чувством тревоги, Лейла решила, что вот с этого дня поможет подруге поменять уже своё отношение к миру. Планы у спортсменки возникали быстро и сразу – размером с Эверест. Девушка ничуть не сомневалась в своей способности претворить их в жизнь. Но сначала – завтрак!

В кафе было мало посетителей, что, в целом, устраивало обеих девушек. Лина, правда, рванулась к самому дальнему углу, чуть ли не возле туалета. Но Лейла решительно повела её к столику возле красиво декорированной стены: по изумрудному бархатному фону зеркальной мозаикой были выложены стилизованные лилии. Глянув на удивлённое лицо Лины, Лейла самодовольно хмыкнула, будто занималась оформлением кафе самолично. От остального зала их место закрывала декоративная перегородка, в том же стиле, что и стена. Этого вполне хватало для создания уютного личного пространства.

Едва подруги сели на мягкие диванчики, рядом возник молодой человек в форменной одежде кафе, чтобы принять заказ. Лина рта не успела раскрыть, как Лейла затребовала фирменный завтрак, две больших чашки капучино и чизкейки «на верхосыточку». Официант одарил их заученной,

но вполне дружелюбной улыбкой и исчез быстрее, чем Лина успела воспротивиться.

Пока им готовили заказ, повисло неловкое молчание, и если бы не приятная фоновая музыка, молчание могло бы стать тягостным. Первым решила заговорить Лина, нервно сжимая и разжимая пальцы, комкая штаны на коленях.

– Лейка, слушай, я...

– И не буду! – категорично, пристукнув кулаком по столу, оборвала та подругу. – Ни денег не возьму, ни слушать ничего не стану пока не поем. Тётя Боня мне достаточно выложила, чтоб мне стало ясно: твоему семейству я тебя не верну, пусть хоть калым⁶ в сто верблюдов мне наобещают!

Лина так и вытаращилась на подругу, беззвучно открывая и закрывая рот. И снова на краю памяти назойливо зудела какая-то очень важная мысль, что-то такое, что необходимо было озвучить. Догадка, напоминающая приступ изжоги, связанная со всеми жутковатыми событиями последних нескольких дней. Они выцветали буквально с каждой минутой, как дурной сон по утру, и это тревожило беловолосую девушку всё сильнее. Потому что помнила, как бы там ни хохмила Лейла, это как-то касалось и её. Поэтому Лина, помотав головой, быстро, торопливо, пока её снова не перебили, сказала:

– Лейла, это важно, правда. Я ещё сама не понимаю, не помню, что произошло, но это очень важно! – И вдруг её как

⁶ Калым – выкуп

озарило, словно *вспышка*, и севшим голосом, она с нажимом произнесла: – Пообещай, что никогда, слышишь, НИКОГДА не станешь просить тебя сфотографировать. Обещай. ОБЕЩАЙ!

– Тихо, не ори, мадам Паниковская! – шикнула на неё Лейла, только собравшаяся как-нибудь ехидно ответить на это требование. Глянула в глаза подруги – зрачки снова ненормально расширились и выглядели дырами куда-то в череп. Передёрнула плечами и слегка раздражённо ответила: – Хорошо-хорошо, обещаю. И буду тебя самолично бить по рукам, устроит?

– Нельзя мне фотографировать... – словно и не слыша её, пробормотала Лина, словно снова ухнула в какую-то внутреннюю морочную бездну. – Понимаешь, Лейка? *Монохром*, он всё время на чеку, только и ждёт, что я – начну снимать... Нельзя мне...

Лейлу вдруг пробрала какая-то стылая жуть, идущая из живота, когда она смотрела на бормочущую подругу. Ей вдруг показалось, что перед ней сидит вовсе не Лина. Не та Мерилин-Лина, за которую она вступалась перед обидчиками из школы и готова была напирать даже братьям-оторвам той. Эта, с чёрными как у птицы глазами и седыми волосами, была уже *другая*.

«*Ненашенская*», – всплыл в памяти скрипучий голос бабки Яси, да так отчётливо, что Лейла вздрогнула и нервно оглянулась.

– А ну, прекрати истерику, – твёрдо и удивительно спокойно сказала Лейла, намеренно копируя отца, когда тот приводил дочь в чувства перед самыми первыми соревнованиями. Только вот кому больше адресовала: себе, Линке? Или призраку бабки Яси? – Я тебя слышу, и поняла, нельзя – так нельзя.

Лина не успела выдать порцию очередной словесной дребедени. Шустрый официант снова бесшумно возник возле их столика и в считанные секунды расставил заказанное: молочная каша с кусочками свежих фруктов, тосты с жареным яйцом, блинчики с творогом, два треугольничка чизкейка с малиной и два капучино в кипенно-белых чашках. Порции были такие, что Лина вышла из своего полувменяемого состояния, даже зрачки приняли привычный размер.

– Э-эээ, – выдавила она из себя, сумев вложить в это междометие изумление, восхищение и сомнение в том, что даже вдвоём они всё это осилят.

– Вот и ешь, – безапелляционно заявила Лейка, уже вооружившись ложкой. Придвинула к себе тарелку с кашей, любуясь аж просвечивающими дольками груши на поверхности. – Раз живём, два – жуём! Чего опять зависла-то?

– Руки... помыть, – смущённо пробормотала Лина, и Лейла вспомнила, что у той действительно был пунктик на чистых руках. Даже с учётом того, что из квартиры они вышли совсем недавно, и волосы Лины ещё свидетельствовали о принятом душе.

Лейла с грустью посмотрела на свою порцию, кивнула, соглашаясь подождать, пока подруга удовлетворит свой личный невроз. Та, снова бросив на спортсменку странный и как будто потемневший взгляд, всем видом обещая, что быстро всё сделает, поспешила к туалетам. Пользуясь её отсутствием, Лейла вытащила из сумки-банана телефон, обнаружила в чатах Ватсапа кучу сообщений: от отца, тренера, приятелей по спортивной школе. У неё тут же зазудели пальцы: если Лина страдала манией чистых рук, то Лейла и дня не могла прожить без хотя бы парочки «отчётных» фото и селфи.

Убедившись, что Лина ещё не спешит к столу, Лейла решила снять их завтрак, а потом – себя на фоне той самой стены с зеркальной мозаикой. Первым делом, выставив режим «еда», она с удовольствием сняла завтрак. Но как же удивилась Лейла, обнаружив, что настройки режима съёмки каким-то непостижимым образом сбились. Вместо сочного фуд-фото⁷ получился невзрачный чёрно-белый снимок. Лейла фыркнула, поворчала, наугад сняла видимую часть кафе, стену с зеркальной мозаикой и вновь обнаружила, что все фотографии чёрно-белые. Стена Лейле, впрочем, даже понравилась – зеркальная мозаика смотрелась весьма эффектно, словно бриллиантовое кольцо на бархатной тёмной подложке. Этот снимок, в отличие от прочих, девушка не стала удалять. Однако при попытке поменять режим на цветной,

⁷ Художественная фотография еды. Здесь, конечно, речь идёт о любительском уровне съёмки

девушка не смогла даже вызвать в настройках ленту режимов!

Чертыхнувшись, Лейла потрясла телефон, пригрозила перезагрузкой, а то и покупкой нового. Закрыла и снова открыла приложение. Переключила на селфи-камеру, увидела всё тот же набор цветов. Нахмурилась, прищурилась, словно оценивала противника по рингу. Попыталась заснять себя на фоне стены, вспомнив, что многие документальные фотографии – чёрно-белые и смотрятся очень круто. С внезапным раздражением обнаружила, что её лицо, смуглое от природы, как бы сливается со стеной. Фыркнув, удалила неудачное фото.

Пересев на место Лины, Лейла стала водить перед собой телефоном так и эдак, пытаясь поймать нужное освещение, чтобы лицо не выглядело таким тёмным. Увлёкшись, она локтем пихнула край стола, на том -подпрыгнула вся посуда. Лейла охнула, отвлеклась от экрана. Не заметила, что палец мазнул по сенсорной кнопке, когда в кадре оказалась только её макушка – и вышедшая из-за перегородки Лина.

Тонкий девичий вскрик, тут же захлебнувшийся, заставил Лейлу подскочить и шибануться об стол уже основательно. Похожий вопль, только длившийся несколько секунд, она слышала: вчера, на кухне. И поэтому по спине у неё снова помчались ледяные мурашки.

–Я не... – начала было оправдываться Лейла, порывисто обернулась, не обращая внимания, что со стола капает вы-

плеснувшийся через края чашек кофе. За спиной никого не было, кроме оторопело моргающего официанта, который спешил к другому столику. – Лина?..

Официант, заметив беспорядок за этим столом, торопливо позвал кого-то из своих коллег. Натянуто оцепеневшей Лейле, двинулся дальше.

– Где она?! – успела спросить у него Лейла, во все глаза разглядывая почти пустое пространство кафе, раздачу и дальнюю часть, где за ещё одной декоративной перегородкой скрывались входы в туалетные комнаты.

Парень в форменном фартуке недоумённо пожал плечами, оглянув девушку и уже за её спиной снова неодобрительно глянул на кофейную лужу на полу. С края стола продолжало капать, и лужа расплзлась.

– Лина, хорош! – Лейла чуть не сбила с ног другого официанта, с тряпкой и ведром, спешившего устранить беспорядок. Заметалась по кафе, заглядывая под столики, отчаянно цепляясь за мысль, что Лина решила её разыграть – в отместку за нарушенное слово не фотографировать. – Эй, Мерилин! Уговор был, что это ты не фоткаешь!

– Девушка, извините! – подлетела к ней женщина средних лет, в той же форменной одежде кафе, с золотистым бейджем на груди, на котором значилось «старший менеджер». – У нас не принято шуметь...

– Где она?! Моя подруга?! – Лейла была ниже сотрудницы кафе, но излучала такой напор, что менеджер ступе-

валась и попятилась. – Такая с белыми волосами, бледная вся?! В ярко-зелёном худи? Она в туалет пошла, Вы видели, она вышла?! И куда?!

– Я-аа... извините, нет, – пытаюсь справиться с голосом, предельно вежливо ответила женщина.

– Лина!!! – Лейла, уже начхав на любые правила кафе, ринулась к туалетам, проверила все кабинки, перепугав засевших там посетительниц. Удержалась, чтоб не ломиться в мужские. Снова чуть не бегом вернулась в зал, к их столику, с которого уже убрали кофейные потёки и даже заменили чашки.

Лейла заметила, что официанты сбились в кучку за раздачей, шушукаются со своей непосредственной начальницей и тревожно поглядывают в её сторону. Наплевав, что они сейчас там себе решают, Лейла, почти перевалилась через стол у кассы, крикнула им:

– Моя подруга! Мы вместе пришли! Вон этот курчавый нас обслуживал! Кто-нибудь видел, она выходила из кафе?!

– Н-нет, – неожиданно пискнула белобрысая кассирша, испуганно глядя на возбуждённую посетительницу. Набравшись храбрости, добавила: – От кассы дверь просматривается, никто не входил и не выходил последние полчаса, только Вы... и вторая девушка, седая такая. Но она не выходила, нет.

Лейла уставилась на неё тем взглядом, от которого даже рослые парни-боксёры и матёрые мужики пятиться на-

чинали. Кассирша побледнела ещё сильнее, и Лейла поняла: не врёт. От кассы действительно хорошо просматривались и двери, и большая часть зала кафе.

В ногах возникла противная тряская слабость, внутренности скрутило в тугий холодный узел. С потерянным видом Лейла вернулась к столу, села на своё место. Посидела так минуту или две, всё надеясь, что вот сейчас Мерилин как выскочит откуда-нибудь, заливаясь злодейским смехом!..

От бессмысленного созерцания пустого сиденья напротив её отвлекла тупая боль в пальцах левой руки. Лейла не сразу поняла, что за предмет стискивает судорожным жестом. Костяшки выпирали белыми бугорками, ладонь почти онемела от напряжения. Девушка медленно вытащила руку из-под стола, почти уронив на столешницу, будто держала не плитку телефона, а гантель на десяток кило. С усилием приподняла повыше, всмотрелась. Телефон давно ушел в режим ожидания, экран бликнул чёрным зеркалом.

Догадка, которой Лейла боялась, да попросту не могла придать даже мысленную формулировку, заставила узел из кишок стянуться ещё туже. От затылка до копчика снова побежали знобкие мурашки, а мышцы шеи как одеревенели. Словно раздвоившись – одна часть безучастно смотрела и ничего не делала, другая, преодолевая безымянный ужас, совершает какие-то действия – Лейла смотрела за своей правой рукой. Ей чудилось, что та движется невыносимо медленно, ещё медленнее прилипает пальцем к нижней части

экрана. На какое-то мгновение показалось, что палец сейчас провалится в эту стеклянно поблескивающую черноту экрана блокировки. Прикосновение к прохладной поверхности едва достигло сознания Лейлы. Привычный жест был выполнен тоже как будто без её участия: мазнуть снизу вверх.

Скованность с шеи перекинулась на горло и грудь, не давая Лейле заорать, издать хоть какой-то звук. Или сделать вдох. Она могла только смотреть – и была не в силах и шелохнуться. Или хотя бы закрыть глаза. Она смотрела, чувствуя, как холод из живота рухнул в ноги. Наверное, вокруг кроссовок даже лёд образовался...

Кадр был слегка перекошенный, у нижнего края островком торчала макушка Лейлы с выбившейся вверх прядкой. За ней – та самая перегородка, повторяющая мозаику из зеркальных кусочков: белых по чёрному. Очень белых на чернильно-чёрном. Ещё белее было лицо Лины, которая шагнула в кадр из-за перегородки, успев ещё вскинуть руки к груди. А может, она хотела закрыть лицо.

И глядя в перекошенное лицо подруги, Лейла со всё нарастающим ужасом, который уже просто невозможно было осознавать, *видела*: медленное движение. Глаза Лины, её зрачки – расширяются, превращаясь в аспидно-чёрные провалы. И двигаются – куда-то поверх макушки Лейлы. И губы начинают раздвигаться в начальном звуке вопля, и...

Вспышка

Когда Лейла успела «свапнуть»⁸ по экрану, она не смогла вспомнить – но вот на экране возник кадр со стеной, тот самый, что так понравился Лейле, напомнив драгоценное кольцо на бархатной подложке. Только вместо теперь – там была Лина, ослепительно, до боли в глазах белая – на фоне *чёрной стены*.

– Нет... – беззвучно, одними губами произнесла Лейла, не в силах моргнуть, чтобы остановить этот медленный кошмар наяву.

Со всех четырёх углов кадра полилась *тьма*, поглощая кусочки мозаики и прочие полутона, стягиваясь к Лине. Та слишком медленно двигалась, пытаясь что-то сделать. Слово непроглядная вода стала затапливать кадр снизу, поглощая тело Лины, её руки, грудь, шею.

Её глаза, расширенные с громадными чёрными зрачками, смотрели прямо на Лейлу. Когда чернота уже подступила к подбородку, залила рот и нос, глаза – всё смотрели. И Лейла, мысленно вопя так, что кричи она по-настоящему – окна бы вылетали, *видела*: над левым плечом подруги, попавшей в чудовищную ловушку, из темноты проступает нечто ещё более *чёрное*. Слово от черноты отслоилась ещё более непроглядная тень, без лица, без черт, но – повторяющая Лину один в один.

Лейла силилась преодолеть паскудный паралич, но снова

⁸ Свапнуть (от англ.) – жаргонное выражение, обозначающее жест листания на сенсорном экране.

оказалась парализована первобытным ужасом, когда на том месте, где могло быть лицо, у *Тени* – прорезался слепой, белый-пребелый глаз. И откуда-то пришло знание – если эта *тварь* увидит Лейлу, зацепит взглядом хотя бы вскользь – то всё...

Глаза Лины выглядывали поверх неумолимо затопляющей весь экран черноты. Вдруг – на миг стали обычными и шёпот, звучавший лишь в ушах Лейлы, хлестнул: «*Бросай!!!*». Это слово хлестнуло по заледеневшим нервам, током пронеслось по мускулам и сухожилиям, ввинчиваясь горячими иглами в суставы пальцев.

И рука Лейлы – сама, отзываясь на жгучий импульс, с неконтролируемой силой обрушила телефон вниз. Ровно за миг до того, как чернота – полностью затопила лицо Лины, а у чёрной *твари* посреди белого глаза проклюнулась точка зрачка. Удар экраном пришёлся на край столешницы. Раздался отчётливый, едва ли не бокальный звон и хруст. Шансов, что стекло уцелеет, не было никаких. И Лейла – наконец-то закричала...

Месяц спустя (вместо эпилога).

...вокруг всей осенней палитрой полыхал октябрь. Перебивался жёлто-оранжево-красным, стыдливо маскируя всё более заметные прорехи: облетевшие кроны. Раньше всех сдались липы и торчали теперь в своей почти чёрной наготе

на фоне по-особому синего неба.

Лейла стояла и смотрела на этих бесстыдниц – череда деревьев походила на старые телеграфные столбы. Они выглядели чуждо и неудобно рядом с берёзами и рябинами, по которым словно бездымное пламя переливалось от каждого дуновения ветра. Жёлтые берёзовые листочки, как чешуйки, усыпали дорожку, насколько хватало глаз. Дворники сюда заходили редко, так что извилистые тропки – явно дело ног возвращающейся из школы ребятни. Кто из детей откажется пошуршать по листьям, прокладывая змееобразные траектории? Они с Линкой так тоже делали...

Лицо Лейлы на миг исказила гримаса быстрой внутренней боли. Они так делали... А ещё – обожали валяться в кучах листьев, хохоча до изнеможения, подбрасывали в воздух золотые шуршащие фонтаны и напрочь игнорировали недовольные окрики бабушек. Кто бы их остановил и в восемнадцать, вздумай они рухнуть в листовую кучу?..

Лейла почувствовала, как на глаза опять наворачиваются слёзы, и сердито провела по лицу ладонями. Смотри не смотри, но по дорожке никто не прибежит – как бывало, когда они усаживались о встрече после школы. Но она и стояла и смотрела – из настоящего в прошлое, на двух подружек-школьниц: одна тоненькая, как стрекоза, светлая, словно совсем выцветший осенний листик. Вторая – круглая, шумная, яркая на фоне подруги даже в школьной форме. Смотри не смотри...

Лейла понимала, что надо уходить, но ноги словно приросли к асфальту. Разрывающая сердце тоска – и неявный страх – вдруг схлынули под натиском какого-то нового чувства. Надежда? Решимость? На что?! Для чего?! Отца, воспитывал в ней не только в дух спортивной соревновательности. Он научил её слушать вот такие – неопишуемые «звуки своего нутра», то, что другие называют интуицией. То, что на ринге помогало ей внезапно угадать действия противника ещё до того, как тот начинал двигаться.

Лейла шумно, с силой вдохнула носом, задержала дыхание, давая тем самым «звукам нутра» звучать громче рассудка. Вот именно сейчас, глядя вдоль засыпанной листьями дорожки, соединяющей воспоминания детства с настоящим, Лейла нащупала *путь*. Даже ещё не сам путь – а намёк, ускользающий из-под прямого взгляда знак направления.

Девушка закусила губу, прикрыла глаза, взглянула на дорожку из-под ресниц. Они с Линкой так часто баловались: через приопущенные ресницы смотрели на пятно солнца над кронами, или фонарь, или окна. Тогда всё немного расплывалось, делалось зыбким, «*неточным*», как хихикали подружки, тут же начиная фантазировать на тему другого, более сказочного мира. Иногда удавалось так прищуриться, что вокруг фонарей или окон получались лучики, которые, если смотреть прямо, никогда не видно.

«*Почти...*»

Голос подруги прозвучал еле слышным шёпотом на фоне

шелестящей листвы. Лейла вздрогнула, округлила глаза, но не стала лихорадочно озираться или убеждать себя, что ей послышалось. После того, как подруга исчезла почти на её глазах... а дисплей Лейлиного телефона – залило чернильной чернотой, в которой утонуло лицо со снимка... после того, как поиски пропавшей девушки не увенчались успехом, а судя по всему, скоро заглохнут... Лейла единственная не бросила этих поисков, всё время ожидала услышать этот *неточный* шёпот.

– Где?.. – одними губами спросила она, не отводя глаз от дорожки, такой светлой и безмятежной, озарённой мягким светом октябрьского солнца.

«Между...»

Шёпот, звучавший только в ушах Лейлы, словно обрёл физическое воплощение: ветерок скользнул с деревьев вниз, взметнул опавшие листья, прокатил зыбкой волной до обочины дорожки, рассыпал вдоль теней от деревьев. Чересполосье света и тени нарезало асфальт неровными фрагментами, напоминая сетку витражей.

Лейла смотрела до боли в глазах, но больше ни листика не шевельнулась. Или всё-таки она переутомилась, от частых рыданий и чувства вины – и что-то всё-таки сместилось, и теперь ей чудится всякое?..

«Смотри... Свет... Тень... Рядом...»

Лейла всмотрелась и хватанула ртом воздух: на миг почувдилось, что в том месте тени, листья, дорожка, сам солнеч-

ный свет – потеряли краски. Лишь на миг – но этого хватило, чтобы в памяти Лейлы из казалось бы нереально далёкого вечера всплыло: *Монохром*. И обрывки разговоров на кухне, над тарелкой пельменей и кружкой – одной на двоих – с коньяком. И Линкин ультиматум: *«Пообещай, что никогда, слышишь, НИКОГДА не станешь просить тебя сфотографировать. Обещай. ОБЕЩАЙ!»*

– Вот я дура! – прошептала она, вспомнив побелевшее лицо подруги на последнем кадре. – Вот же я дура!..

Она зашарила по карманам куртки и джинсов. Облилась холодным потом, пока не отыскала «кирпич» смартфона. Тот лежал там же, где и всегда – в сумке-банане через плечо.

Лейла отметила, что у неё дрожат руки, пока вытаскивала телефон. Это был совершенно новый смарт, купленный отцом. Тот едва ли не силком заставил дочь принять телефон и несколько дней следил, чтобы та не выбросила гаджет. Предыдущий Лейла с такой сил наворачнула о край стола, что пострадал не только экран. Телефон, когда его подняли с пола – разломился в руках охранника кафе на две половинки. Эти жалкие обломки ей вернули в зип-пакете уже после того, как она несколько часов провела в допросной. Эти часы девушка помнила смутно. Да и не старалась вспоминать, как и лицо отца, примчавшегося в полицейский участок её выручать. Потом ведь было ещё несколько визитов, когда у неё брали показания и расспрашивали о Лине. Всякое спрашивали, гадкое. Была ещё беседа с психологом. Потом – встреча

с родичами Линки, и вот тогда-то Лейла сорвалась: в крик, в истерику и чуть ли не в драку, когда те понесли околесицу о «психическом состоянии пропавшей дочери»...

Она старалась всё это забыть. Но помнить о по-настоящему важном.

Сама себе удивляясь, Лейла не с первой попытки открыла приложение фотокамеры. Навела телефон на дорожку, задержала дыхание. Внутри вдруг засвербел мерзкий червячок сомнений и скепсиса, мол, и что это ты делаешь, что собираешься проверять?!

Лейла знала, что это зудит страх, тот самый, который подталкивал её прогулять уроки, если планировалась контрольная, потому что в математике она никогда не была сильна. Тот же самый страх липко обволакивал её перед первыми соревнованиями, предлагая придумать какую-нибудь болячку, лишь бы не выходить на ринг. Та же мерзость сейчас цеплялась за её пальцы, шепелявила в уши оправдательное, что исчезновение подружки – вовсе не её, Лейлы, вина, это и следователи сказали, и психолог. Это она себя накрутила и слила в один образ – сцену в кафе, из которого подруга вдруг убежала, и её пропажу, и чувство собственной вины, что за полтора года ни разу не связалась с Линкой...

Лейла ответила страху, как отец научил: крепким посылом «через север, через йух». Способ не для впечатлительных гимназисток, но страх и прочее – отпали тут же. Лейла усмехнулась и решительно нажала на сенсорную кнопку.

Ничего не произошло. На снимке приветливо золотилась листва на дорожке к старой школе, чуть подалее белели берёзы, так и не ставшие за годы выше. В вышине сквозь прорехи в кронах голубело небо.

«По-другому...»

– А то я не сообразила бы, – буркнула Лейла, а пальцы опять перестали слушаться, норовя то соскользнуть с сенсорного экрана, то ткнуть не туда. Наконец, ей удалось выбрать нужный режим съёмки. Девушка вскинула смарт перед лицом, как щит, и замерла, поражённая тем, что увидела на дисплее. Посмотрела вверх телефона, потом снова – на экран.

По дорожке словно рассыпался серебристо-серый пепел, выступили тени, которые глаз почему-то не воспринимал глаз в раскрашенном спектре. Всё там замерло совсем иной неподвижностью, чем обычная цветная фотография. Лейла медленно вдохнула и выдохнула, потрясла головой. Алхимия чёрно-белой съёмки была подобно болевому приёму на сустав: чувствуешь, что не можешь и шелохнуться, бессильный в хватке оппонента. Только и остаётся ладонью по ковру стучать, признавая поражение.

– А хрен тебе, – ухмыльнулась Лейла, снова переводя взгляд на чёрно-белый («Монохромный», – подсказала бесплотный голос) снимок. Она ещё не представляла в полной мере, как вернуть подругу. Но *пусть* Линка ей показала – и попробуйте-ка теперь их остановить!

Конец(?)

Екатеринбург, сентябрь-ноябрь 2023